

18+

МОЁ СЕРДЦЕ
ПОБЕДИТ

МИРЬЯНА СОЛДО

Мирьяна Солдо
Моё Сердце победит

«Издательские решения»

Солдо М.

Моё Сердце победит / М. Солдо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515422-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В 1981 году жизнь обычной югославской девушки Мирьяны круто изменилась. Она и ещё несколько сельских детей увидели на горе Богородицу. В книге Мирьяна рассказывает о своём жизненном пути, который все эти годы сопровождается встречами с Пресвятой Марией. Легко ли видеть рай и продолжать жить на земле? Почему Бог допускает войны и страдания? Что ждёт мир в будущем? Как ощутить Божью любовь даже в самых тяжёлых обстоятельствах? Об этом Мирьяна размышляет на страницах своей книги.

ISBN 978-5-00-515422-4

© Солдо М.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
1	8
2	14
3	21
4	25
5	30
6	36
7	40
8	45
9	50
10	55
11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Моё Сердце победит Мирьяна Солдо

Посвящается Отцу и Матери

MOJE SRCE ĆE POVIJEDITI

Mirjana Soldo

Перевод с хорватского Светланы Хатуевой

Редакторы: Олеся Крапивка, Виктория Тимофеева, Елена Григорьева, Алёна Брук

Корректоры: Анна Баскаева, Наталья Ивашковская

Светлана Хатуева *Перевод с хорватского*

© Мирьяна Солдо, 2020

© Светлана Хатуева, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-5422-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Выражаю особую благодарность Миленко Муса
и Шону Блумфильду. Вы держите в руках эту книгу
благодаря их любви, терпению и помощи.*

Введение

Меня зовут Мирьяна. Более тридцати пяти лет мне является Пресвятая Дева Мария. Более прямо я об этом сказать не могу.

Понимаю – нелегко представить, что подобное может произойти в современном мире. Даже для некоторых верующих чудеса остались в прошлом. При этом я сомневаюсь, что, когда всё началось, кого-то это шокировало больше, чем меня. Я не знала, что такие вещи в принципе могут где-то происходить, не говоря уже о Меджугорье – маленьком селе в бывшей Югославии.

Меня тщательно исследовали врачи и учёные из самых разных стран мира. Все они сошлись в одном: я абсолютно нормальный, психически здоровый человек. У меня даже письменные доказательства имеются. Поэтому, прежде чем вы засомневаетесь в моей вменяемости, я в шутку спрошу: а у вас есть официальный документ, подтверждающий, что вы психически здоровы?

Я написала это не для того, чтобы убедить кого-то мне поверить. Я всего лишь посланница, которая хочет поделиться своим опытом и принести обществу, в котором всё меньше и меньше мира, хотя бы немного утешения.

Если я скажу, что 24 июня 1981 года моя жизнь изменилась, то смогу лишь частично передать серьёзность случившегося. До того дня я жила в тесных рамках коммунистического режима, привычно перенося его тяготы, но самые тяжёлые испытания начались, когда я и ещё пятеро детей пережили нечто необыкновенное. Это в корне изменило нас, наши семьи и миллионы людей со всего света и вызвало гнев югославских властей. Опасаясь, что моё свидетельство может представлять угрозу государству, они объявили меня врагом Югославии, когда мне было всего шестнадцать лет.

Возможно, их страхи были небезосновательны – ведь я познала нечто гораздо большее, нежели коммунистическая власть и вообще всё, что существует на земле. Я познала Божью любовь.

В первые дни явлений.
Слева направо: Иван, Мария, я, Иванка, Вицка и Яков

1

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам.

Мф. 11:25

Поначалу среди нас шестерых я была аутсайдером. В отличие от остальных, я выросла в Сараево. В моём городе всё – от шумных улиц до высоких зданий – являлось полной противоположностью междугорским полям, пыльным дорогам и каменным домам. Однако гораздо ощутимее физических различий между этими двумя мирами были различия культурные.

В Междугорье в основном жили хорваты – гордый народ, который на протяжении своей истории претерпевал бесконечные трудности. Противостоял ли он турецким завоевателям или коммунистическому режиму – католическую веру хранил всегда. И в 1981 году жители Междугорья были вынуждены исповедовать свою веру тайно, чтобы не привлекать внимание тогдашних властей.

Население Сараево, с другой стороны, представляло собой разнородную смесь всех народностей, населявших Югославию. В городе с населением в четыреста тысяч человек, который иногда называют европейским Иерусалимом, проживали боснийские мусульмане (около 45%), православные сербы (около 30%), некоторое количество нас – хорватов-католиков (около 8%) и была даже маленькая еврейская община, но господствовала при этом идеология атеизма, которую диктовала коммунистическая партия.

Историческая разнородность Сараево особенно проявлялась в архитектуре. Город выглядел так, словно его сложили из различных пазлов. На окраинах города, на фоне безликих бетонных коробок, понастроенных коммунистами, яркими пятнами пестрели красные черепичные крыши традиционных боснийских домов, а рядом с Башчаршией – красивейшим Старым городом и сердцем Сараево – красовались мечети и османские цитадели, словно соревнуясь за внимание с нарядными фасадами зданий, возникших во время австро-венгерского правления.

В детстве у меня было много друзей разных национальностей и вероисповеданий. Из них только несколько принадлежали к Католической Церкви. Преобладали мусульмане и православные, и в городе нас окружали минареты и купола православных церквей. Мы с друзьями никогда не страдали от религиозных различий. Я могла отмечать их праздники, а они – мои. Я привыкла уважать людей другой веры ещё до того, как такому отношению начала учить нас Пресвятая Богородица.

В школьные годы я очень любила проводить летние каникулы в Междугорье, несмотря на то что в домах отсутствовал водопровод, а мне большую часть времени приходилось работать в поле под раскалённым солнцем. Там жили мои дядя с тётёй, а также другие родственники, и родители каждый год отпускали меня к ним на лето. Можно сказать, что Междугорье было моим вторым домом.

Дядя Шимун и тётя Слава относились ко мне как к собственному ребёнку, и в их доме я никогда не чувствовала себя гостем. Две их старшие дочери – Милена и Весна – были для меня как родные сёстры. Я спала у них в комнате, и каждую ночь мы болтали до тех пор, пока младший брат Владо не начинал умолять, чтобы мы замолчали, или пока наше хихиканье не будило их маленькую сестру Елену.

Междугорье располагается между двух гор, покрытых зарослями кустарников, и в те годы в его состав входило пять маленьких поселений. Приход был основан 15 мая 1892 года и посвящён св. Иакову, покровителю паломников – девяносто лет спустя этот выбор покажется воистину пророческим. Первая церковь Св. Иакова стояла на зыбком песчаном участке,

и в 1969 году было завершено строительство нового большого храма недалеко от неё. В первое время никто не понимал, зачем нужна такая огромная церковь, однако после событий 1981 года даже она часто оказывалась недостаточно вместительной.

Дом дяди с тётёй стоял в Бьяковичах – поселении у подножья горы Подбрдо. Как и все в Меджугорье, они жили очень скромно, выращивая табак, виноград и другие сельскохозяйственные культуры. Традиционные герцеговинские дома строились из камня и покрывались крышей из оранжевой черепицы, но у Шимуна и Славы дом был современный, кирпичный.

В Сараево никто, включая моих собственных родителей, не мог понять, почему меня так туда влечёт. Дома мне были доступны все удобства городской жизни, которые родители обеспечивали тяжким трудом, а в Меджугорье люди жили в гораздо более суровых условиях. Они были вынуждены самостоятельно выращивать бóльшую часть своего пропитания, носить воду, и, сколько бы они ни работали, их усилий хватало лишь на то, чтобы выжить. Эта простота меня и привлекала, заставляя проводить там каждое лето.

Первые девять лет жизни родители обращались со мной как с принцессой. Особенно меня баловал папа. Когда мама просила меня постирать бельё или помыть посуду, он делал это сам. Даже завтрак мне иногда приносили в постель и всегда готовили только то, что хотела я. Из-за моей чрезмерной худобы родители делали всё, чтобы я съела побольше. Желая меня поощрить, мама и папа всегда хлопали в ладоши, если я полностью съедала содержимое тарелки. Однако их чрезмерная опека иногда приводила к неприятным последствиям. Когда мне было лет семь, я гостила у родственников, и они приготовили особое блюдо, предназначавшееся свёкру моей тёти. Я не знала, что оно было только для него, и всё съела. Сидя с гордым видом в ожидании привычных аплодисментов, я увидела вокруг себя лишь удивлённые взгляды. К счастью, свёкор тёти отнёсся к произошедшему с юмором.

Вообще я была очень привередлива во всём, что касалось еды, а меджугорская пища весьма отличалась от привычной. Но перед отъездом из Сараево мама всегда предупреждала меня, чтобы я ни на что не жаловалась. «Если я только услышу, что ты отказалась что-то съесть, – говорила она, – в ту же секунду вернёшься домой». Несмотря на все неудобства, я любила Меджугорье. Моя семья проводила летний отпуск на побережье Адриатического моря, а я ехала в далёкое герцеговинское село.

Меджугорье всегда было мне родным – мы с родителями приезжали сюда в гости к родственникам с самого моего детства. Маленькой девочкой я с удовольствием играла с двоюродными братьями и сёстрами, а также с их друзьями. Мы бегали по широким полям и играли в прятки в виноградниках. Во время тех поездок я почувствовала свободу сельской жизни, которую город дать мне не мог.

Один мальчик проявлял ко мне особое внимание. Его звали Марко. Он был старше меня на год, с густыми чёрными волосами и глазами цвета турецкого кофе. Дядя Марко по отцу был женат на моей тётё со стороны мамы, и мы из года в год встречались с ним у неё дома. Его родители дружили с моими и приезжали вместе с Марко к нам в Сараево. Сколько я помню себя, столько помню и его. В раннем детстве мы даже спали в одной комнате.

Марко отличался от остальных мальчиков. От него веяло спокойствием – тихим и мягким ощущением стабильности, которое меня очень подкупало. А на лице у него всегда была улыбка. Я связывала его доброту с сильной верой в Бога, которую родители привили ему практически с рождения.

В подростковом возрасте его привязанность ко мне приобрела романтический характер, но Марко был слишком застенчив, чтобы рассказать мне о своих чувствах, которые были очевидны для всех вокруг. Каждый раз, когда я приезжала летом в Меджугорье, он всегда оказывался в доме моих родственников под предлогом того, что ему нужно навестить дядю и тётю. Из-за этого кухни частенько подтрунивали надо мной.

Тем не менее в Меджугорье почти не было возможности поддерживать такого рода дружбу – там я работала наравне со всеми остальными. Практически ежедневно мои кузины и я просыпались до зари, шли собирать в поле табак, а потом нанизывали листья на верёвку для сушки.

В мой самый первый приезд дядя и тётя не стали будить меня на работу. Они подумали, что мне нужно спать дольше, ведь для меня их образ жизни был непривычен. Я же, напротив, считала неприличным спать, пока мои кузины работают, поэтому стала подниматься и уходить в поле вместе с ними. Сначала все удивились, но скоро дядя начал будить и меня, как всю свою семью, в четыре утра.

В свободное после работы время развлекались мы очень просто – гуляли по окраинам села или болтали, усевшись на каменные парапеты. Меджугорские дети всегда были рады послушать истории о городской жизни, а я обожала их рассказы о жизни на селе.

Одной из моих самых близких подруг была высокая темноволосая девочка по имени Иванка. Жила она в Мостаре – городе, расположенном совсем недалеко отсюда, но лето и выходные проводила у бабушки в Меджугорье, так что бывала здесь чаще, чем я. Сблизило нас то, что мы обе были городскими. Ей очень нравилось разговаривать о моде, а иногда и о своих чувствах к одному мальчику из села по имени Райко.

После работы у меня совершенно не оставалось сил, а руки были липкими от табака, но на душе всегда было радостно. В начале учебного года в школе мне было стыдно только за свои руки. Мои одноклассницы возвращались с летних каникул с красивым загаром, мои же пальцы были чёрно-жёлтыми из-за табака, и я прятала их под партой. Но это не имело для меня никакого значения – в Меджугорье я чувствовала себя замечательно. Я чувствовала себя живой. И в конце каждого учебного года радовалась, что скоро смогу туда вернуться.

В 1981 году, в конце второго класса гимназии я начала испытывать странное ощущение. Оно было гораздо сильнее обычного возбуждения, которое я чувствовала перед отъездом в Меджугорье, и – что ещё более удивительно – проявлялось в отчётливом желании пребывать в молитве.¹

Я уходила и молилась в тишине, воздерживаясь от привычных юношеских занятий – прогулок с подругами и разговоров в кафе. Моя мама забеспокоилась, потому что моё поведение казалось ей странным и несвойственным для шестнадцатилетней девушки.

Я училась в одной из лучших гимназий города. В перерывах между уроками, пока мои одноклассники болтали в коридорах, я убегала в старую православную церковь рядом со школой. Большинство моих католических друзей избегали православных храмов, но мне она служила чем-то вроде тихого убежища.

Там всегда было безлюдно, прохладно и пахло выдержанным вином и ладаном. Каждый день я зажигала свечу и молилась в умиротворяющей тишине, стараясь понять, что же со мной происходит. Необычное ощущение нарастало с каждым днём, и к концу учебного года я проводила в молитве больше времени, чем когда-либо ранее. Когда наступил долгожданный день отъезда в Меджугорье, мне уже казалось, что всё происходит не со мной, что я смотрю фильм про чью-то жизнь. Почему я так странно себя чувствовала?

Папа провожал меня на поезд до Мостара и не мог не заметить моего смятения. Как обычно, он плакал, прощаясь со мной, но в этот раз даже попросил меня передумать и не ехать. «Папа, всё будет хорошо. Не волнуйся», – сказала я, обняв его.

Заняв своё место в поезде, я ощутила какое-то смутное предчувствие. Предчувствие чего? Я не знала. Я всегда с нетерпением ждала встречи с друзьями и родственниками в Меджугорье, но в этот раз чувство было иным, гораздо более интенсивным. Мне казалось, будто я стою на краю неизвестности и вот-вот в неё упаду. Я смотрела в окно на остающиеся позади

---

¹ Речь идёт о втором классе четырёхлетней гимназии, аналоге российских старших классов. – Прим. пер.

окраины Сараево. Поезд ехал на юг вдоль реки Неретвы, бирюзовой нитью вьющейся между вершинами Динарского нагорья. Что со мной происходит? И почему я теперь постоянно хочу молиться?

Покрытые туманом скалы уступили место бескрайнему Адриатическому морю, а затем поезд, миновав туннели и арочные мосты, добрался до станции Мостар, где меня ждал дядя Шимун. А ещё через несколько дней после начала межгугорских каникул я получила ответ на все свои вопросы – причём такой, какой и представить себе невозможно.

Утром 24 июня 1981 года я проснулась с улыбкой на лице. В тот день был праздник Св. Иоанна Крестителя – пророка, о котором в Библии сказано: «глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу». На самом деле моя радость была связана не столько со св. Иоанном, сколько с тем, что в тот день нам не нужно было собирать табак. В церковные праздники в Меджугорье никто не работал, а значит, мы могли наслаждаться свободным временем.

Лучшего повода, чтобы повидаться с Иванкой, было не найти. Её дом находился совсем рядом с домом моего дяди. Встретившись, мы решили пойти на прогулку за Бьяковичи. Пройдя по узкой улочке, мы подошли к дому знакомой девочки Вицки, чтобы узнать, не захочет ли она к нам присоединиться. Оказалось, что она спит, но её мама обещала передать, что мы заходили.

В те времена люди в Меджугорье вообще не запирали входных дверей, и для соседей было нормальным зайти друг к другу без предупреждения, чтобы спросить о чём-то или поделиться новостью. Все друг друга знали, поэтому почти из каждого дома, мимо которого мы проходили, доносился вопрос: «Вы куда?» Но вот мы миновали последний дом, и всё затихло.

Медленно шагая по грунтовой дорожке, усыпанной мелкими камешками, в тени Подбрдо, мы вспоминали сильнейшую грозу, которая недавно обрушилась на область. Удар молнии поразил центральную телефонную станцию, и связь так и не восстановили. Обсуждали мы повседневные вещи: школьные дела, новых знакомых, последнюю моду – в общем, всё то, о чём обычно говорят девочки подросткового возраста.

Своим беззаботным разговором мы пытались смягчить боль потери – ту правду жизни, о которой ни одна из нас не хотела думать. Менее двух месяцев назад после продолжительной болезни умерла мама Иванки, Ягода. Эта святая женщина принимала страдания без ропота вплоть до самых последних минут своего земного пути. Как принято в Герцеговине, в день похорон Иванка надела чёрную одежду в знак траура и намеревалась носить её по крайней мере год.

Мы шли и разговаривали. В голосе Иванки я слышала печаль, а в глазах видела боль. Я надеялась, что прогулка на свежем воздухе хотя бы ненадолго её утешит. И правда, пока мы общались и рассказывали друг другу разные истории, лицо Иванки всё чаще озарялось улыбкой. Между семнадцатью и восемнадцатью часами, устав от ходьбы, мы сели в тенистое место у подножья горы. Вдруг прямо посреди фразы Иванка воскликнула:

– Мне кажется, там Богородица!

Она смотрела на Подбрдо, но я решила, что она шутит, и оборачиваться не стала.

– Конечно, Богородица! Делать Ей больше нечего – только приходить сюда и смотреть, чем мы с тобой занимаемся, – съязвила я.

Но Иванка продолжала говорить о своём видении, и я на неё разозлилась. Родители учили нас трепетно относиться к вере и никогда не упоминать имя Божье всуе. Поскольку я была уверена, что Иванка шутит насчёт Богородицы, мне стало не по себе и даже страшно.

– Я уйду, – сказала я и пошла в село.

Я успела дойти до первых домов, где меня охватило непонятное сильное чувство. Что-то тянуло меня назад. Ощущение оказалось настолько сильным, что я была вынуждена остановиться и развернуться.

Иванку я нашла на том же самом месте. Она смотрела на гору и даже подпрыгивала от возбуждения. Мне ещё никогда не доводилось видеть её в таком восторженном состоянии. А когда она повернулась и посмотрела мне в лицо, у меня по телу побежали мурашки. Её обычно загорелая кожа была бледной, как молоко, а глаза сверкали. «Посмотри же, пожалуйста!» – умоляла она.

Я медленно перевела взгляд на гору. Увидев там женскую фигуру, я испытала смешанные чувства – страх и удивление, в то время как мой ум судорожно пытался найти объяснение увиденному. На ту гору никто и никогда не поднимался, но ошибки быть не могло – там, среди камней и кустов ежевики, стояла молодая женщина!

Наш школьный класс, Сараево.
Я — белокурая девочка в среднем ряду

2

*Прихожусь к вам, потому что хочу быть вашей
Матерью и Заступницей.*

Из послания Богородицы от 18 марта 2012 года

«Жива я или мертва? – спрашивала я себя, не сводя глаз с красивой женщины на горе. Я была в абсолютном смятении, эмоции сменяли одна другую. – Ущипни себя. Скорее всего, ты просто спишь!» В первые минуты я не осмеливалась обратиться к ней. С расстояния более ста метров трудно было рассмотреть черты лица, но я видела, что на ней серо-голубое платье и она что-то держит в руках. Потом я поняла, что это «что-то» – младенец.

«Ни одна мать не полезла бы на такую гору с ребёнком», – пронеслось у меня в голове. Я была настолько сосредоточена на видении, что почти не осознавала происходящего вокруг. Словно сквозь какой-то туман я понимала, что рядом оказывались и другие дети. Местный мальчик по имени Иван нёс яблоки, но, увидев, на кого мы смотрим, бросил их и побежал прочь. Затем в поисках нас пришла и Вицка. Она тоже так испугалась, что, скинув шлёпанцы, убежала. Следом за ней мы с Иванкой, посмотрев друг на друга, без единого слова бросились к посёлку. Влетев в дом дяди, я выпалила:

– Кажется, я видела Богородицу!

Дома была только моя бабушка Ела. Она удивлённо смотрела на меня какое-то время, а потом произнесла:

– Оставь Богородицу там, где Она есть – на Небе. Возьми чётки, иди в комнату и молись!

Я была слишком взволнована, чтобы что-то объяснять, поэтому сделала ровно то, что она мне велела – побежала в комнату и стала молиться. Через некоторое время меня перестало трясти, но заснуть в ту ночь мне не удалось. Я закрывала глаза, но думать могла только о женщине на горе. Я была уверена, что это Богородица – так мне подсказывало сердце. Но разве Дева Мария не должна быть на Небесах? Я пыталась вспомнить что-нибудь, что помогло бы мне осознать увиденное.

До того момента я и представить себе не могла, что кто-то на земле может видеть Богородицу. Я никогда не слышала о других подобных событиях, которые называют явлениями, и думала, что Она спустилась на землю подобным образом впервые. В коммунистической Югославии книги с религиозным содержанием были запрещены, и наши знания о чудесах ограничивались услышанным в осторожных проповедях священников, прекрасно понимавших, что государственные шпионы могут сидеть и на церковной скамье. Любое слово, которое могли ошибочно принять за нападки на режим, грозило как минимум тюремным сроком.

Несмотря на то что Сараево, мой родной город, был чем-то вроде оплота коммунизма, детство моё прошло в достаточно спокойной атмосфере. Родители – Йозо и Милена – были родом из села Бьяковичи, но после свадьбы переехали в Сараево, где 18 марта 1965 года я и родилась. Сколько себя помню, я всегда отличалась от других детей.

Первые четыре или пять лет жизни у меня почти не росли волосы, а те, что выросли, были очень редкими и почти белыми. Однажды, устав ждать их появления, мама послушалась совета кого-то из соседей и, пока отец был на работе, побрила меня наголо. Мой вид казался другим девочкам странным, поэтому я всегда носила шапочку и играла в футбол с соседскими мальчишками. Я была у них вратарём. В конце концов мамин надежды оправдались – у меня выросли густые косы, и я снова смогла вернуться в мир девочек.

Одну из моих подруг звали Минка. Когда в городе раздавался призыв на мусульманскую молитву, она тут же бросала игру, падала на колени и начинала молиться. Я с интересом смот-

рела на неё, а однажды решила последовать её примеру. Это увидела мама, позвала меня домой и втолковала мне, что не стоит повторять всё за Минкой, потому что мы принадлежим к разным религиям. Но наша дружба научила меня не заикливаться на различиях между людьми.

Играть с друзьями было хорошо, но всё же я предпочитала одиночество. В тишине и уединении нашей квартиры я писала песни, рисовала, чертила. Особенно хорошо у меня получались изображения девочек и женщин, поэтому школьные подруги часто просили меня нарисовать что-нибудь для них. Один из моих рисунков даже был отобран, чтобы представлять нашу школу на международном художественном конкурсе в Японии.

Ещё я любила читать. Одна книга – «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери – произвела на меня особенно глубокое впечатление. История о лётчике, совершившем вынужденную посадку и встретившем Маленького принца с другой планеты, натолкнула меня на мысль, что существует более глубокий план, скрытый за тем, что лежит на поверхности, и я стала размышлять на вечную тему: в чём заключается смысл жизни.

Как сказал Маленький принц, . Географ, Фонарщик и другие персонажи «Маленького принца» жили в своих маленьких мирах. Они напоминали мне жителей наших домов: людей самого различного происхождения, живших в маленьких бетонных коробках, поставленных одна на другую – так близко друг к другу и при этом настолько далеко! *«одни только дети знают, чего ищут»*

В Сараево было совсем немного детей-католиков. Те же, кто рос в практикующих веру семьях, были вынуждены чуть ли не тайно ходить на катехизацию в церковь Св. Антония Падуанского в историческом квартале на улице Бистрик. В этом известном храме красно-коричневого цвета не ставилось конфессиональных рамок. Молиться сюда приходили и мусульмане, и православные, а францисканцы, жившие в соседнем монастыре, помогали бедным вне зависимости от их религиозной принадлежности.

Занятия в церкви научили меня скорее бояться Бога, чем Его любить. У меня сложилось представление о Нём как о сердитом правителе, который всё сверху видит и только и думает, как бы меня осудить и наказать за малейшую провинность. Одновременно во мне родилось почитание покровителя той церкви, св. Антония, сострадание и любовь которого подсказывали иное понимание Бога.

Обычно нас – четверых или пятерых – водил в церковь кто-то из родителей. Перед выходом моя мама всегда говорила: «Если по дороге кто-то спросит, куда вы направляетесь, говори, что вы идёте есть мороженое, поиграть на площадке или что-то подобное».

Однажды по дороге на занятия мы столкнулись с моей учительницей. Как и большинство преподавателей в Сараево, она была членом коммунистической партии.

– Мирьяна! – приблизившись, обратилась она ко мне, и я была вынуждена остановиться.

– Здравствуйте, товарищ классный руководитель.

В то время мы должны были при разговоре с учителем использовать обращение «товарищ».

– Куда это вы идёте?

Меня сковал страх.

– Понятия не имею, – пробормотала я и поспешила за остальными, оставив её недоумевать. Недоумение было лучше, чем подозрения.

Когда во главе бывшей Югославии стоял Иосип Броз Тито, власть навязывала гражданам свою идеологию через систему образования. В учебниках истории восхвалялось «героическое» учение Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина. Преподаватели не уставали повторять, что Бог бывает только в сказках, а религия – это, как говорил Маркс, «опиум для народа». Поэтому я часто сама не понимала, во что верить.

Уже в первом классе начальной школы детей автоматически принимали в Союз пионеров Югославии. Новоиспечённые пионеры, которым исполнилось семь лет, получали форму:

красный галстук и «титовку», или «пилотку Тито», на которой был изображён герб и красная пятиконечная звезда – символ коммунистической партии. В пионерской клятве мы обещали любить Социалистическую Федеративную Республику Югославию, а также «нести братство, единство и принципы, за которые боролся товарищ Тито».

Навязывание идеологии продолжалось на протяжении всех моих школьных лет. Ежегодно 25 мая Югославия отмечала день рождения Тито – человека, который принёс в нашу страну коммунизм. Это был всенародный праздник, известный как День молодёжи. В школах заранее готовились к торжествам, каждый ученик должен был написать стихотворение или сочинение, прославляющее председателя компартии, а центральные газеты публиковали лучшие из них. Я всегда радовалась этим конкурсам, а мои работы даже бывали отобраны для публикаций.

В мероприятиях, посвящённых государственному Дню молодёжи, участвовали тысячи людей. В честь Тито устраивались выступления спортсменов и пионерские слёты. Оркестры исполняли напыщенные партизанские песни, например «С маршалом Тито», в которых его называли героем и хвастали, что «с ним нам не страшен и ад», а если кто скажет иначе, тот «почувствует наш кулак».

«Образование – это оружие, – говорил советский диктатор Иосиф Виссарионович Сталин, – эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить». Живя в Югославии, где соседствовали разные культуры, я получала разностороннее образование, но учиться бывало нелегко. К примеру, от нас требовали, чтобы мы умели писать и латиницей, и кириллицей. А благодаря учебной программе из Великобритании я выучила английский язык и приобрела красивый акцент.

Больше всего мне нравилось проводить время дома, в кругу своей семьи. Мой папа отличался беззаботным и радостным нравом. Мама была построже и острее переживала житейские трудности. Она делала всё, чтобы обеспечить нас счастливой и комфортной жизнью. С раннего детства я была больше привязана к отцу. Иногда я даже спрашивала у него: «Зачем нам вообще мама?» В ответ он только улыбался. У папы было несколько лишних килограммов, а зелёные глаза сияли ярче на фоне чёрных волос. Когда у нас гостили родственники из Герцеговины, он всегда вставал рано утром и спрашивал их, что они хотят на завтрак, отправлялся покупать нужные продукты, возвращался и готовил, и только потом уходил на работу.

В то время я не замечала, насколько тяжело было родителям в Сараево. Днём отец работал, а вечером почти всегда слушал лекции или занимался, чтобы получить работу в отделении радиологии. Мама работала поваром в крупной компании. Каждый день она уходила из дома в пять утра, а возвращалась во второй половине дня совершенно без сил. У родителей не было возможности нанять для меня няню в дошкольные годы, поэтому до пяти лет я оставалась дома одна, и это был крайне тревожный период для мамы с папой. Несколько раз в день папа пешком возвращался домой, подходил к нашему окну, чтобы убедиться, что со мной всё в порядке, а затем снова бежал на работу.

Целых восемь лет я была их единственным ребёнком, их «маленькой принцессой» – вплоть до момента, когда 16 июля 1973 года на свет появился мой брат Мирослав. Я ждала их возвращения из роддома с беспокойством. Даже тогда меня больше интересовал папа, чем кто-либо ещё. До сих пор помню, какая на нём в тот день была одежда – коричневая спортивная куртка, тщательно отглаженные серые брюки, рубашка с белым воротником. А ещё я помню, с какой любовью он смотрел на новорождённого сына. Мне же хотелось, чтобы любовь отца принадлежала только мне. Я отозвала его в сторону и сказала: «Ты люби одну меня, а я буду любить малыша!»

Вскоре мама серьёзно заболела. После родов врач предписал ей покой, а она вышла на работу, как только вернулась домой. Вследствие инфекции у неё поднялась очень высокая температура. Я не понимала, что происходит, но видела, как сильно встревожен отец. Он

больше не шутил со мной, как обычно, а только и делал, что ухаживал за больной мамой и Мирославом – Миро, как мы его звали. В конце концов мама поправилась, но, повидав её в таком тяжёлом состоянии, я пообещала себе, что не буду больше воспринимать её здоровье как должное. С тех пор я всегда старалась сделать так, чтобы она чувствовала мою любовь.

Я взяла на себя обязанность помогать ухаживать за Миро, и вскоре моя ревность к нему исчезла. Я была на целых девять лет старше брата, и роль, которую я естественным образом на себя приняла, была близка к роли второй матери. Наши родители были вынуждены работать, и меня часто оставляли присматривать за ним. Я его переодевала, купала и кормила, а когда он научился ходить, водила за собой по улице. Мои друзья звали нас «Мирьяна с прицепом», потому что я всегда держала его за руку, когда выходила гулять.

В 1976 году, после того как отец получил должность старшего техника в отделении радиологии, мы переехали в новую квартиру на последнем этаже восьмизэтажного дома, расположенного почти в самом центре города. В ней было всего две комнаты и ванная – слишком мало для четверых, но теснота нас не смущала. Коридор делил квартиру на две половины. С одной стороны находились кухня и гостиная. Обедали мы за столом в маленькой столовой, объединённой с кухней. В гостиной было два дивана, два кресла и телевизор. В течение дня вся семья проводила время там – мы разговаривали, смотрели телевизор, собирались на семейную молитву, а ночью эта комната служила спальней нам с Миро. Диваны раскладывались и превращались в кровати. Одежду мы хранили в большом шкафу, занимавшем всю стену. Спальня родителей и ванная были по другую сторону коридора. С высоты восьмого этажа открывался такой вид из окон, что мне казалось – весь мир у меня как на ладони.

Когда со стороны гор опускался туман и покрывал Сараево, мы видели только верхушки самых высоких башен, минаретов и колоколен. Они словно служили небесными указателями на пути густых облаков. А в ясные вечера городские огни были похожи на звёзды в глубокой тарелке. Иногда я видела, как из аэропорта взлетают самолёты, и дрожала от одной лишь мысли, что могу оказаться в одном из них. «Этого никогда не будет...» – думала я.

Миро любил играть в парке перед нашим домом, а я смотрела за ним с дорожки, которая тянулась между проспектом и рекой Миляцкой. Если нужно было куда-то поехать – трамвайная остановка находилась всего в нескольких сотнях метров. Иногда мы всей семьёй ходили гулять по вымощенной камнем улице Башчаршия, останавливаясь у известного фонтана Себиль покормить голубей или зажечь свечу в соборе Святейшего Сердца Иисуса.

В квартире под нами жила старая мусульманка по имени Паша. У неё не было близких родственников, и мои родители относились к ней как к члену семьи. Если у бабы Паши дома что-то ломалось, отец шёл и чинил, а когда мы приглашали её к себе на ужин, мама готовила еду в соответствии с исламскими традициями.

– Самая угодная Богу еда, – говорила Паша, – та, которую ты делишь с другими.

Она очень полюбила меня и стала звать своей «маленькой блондюшей». Иногда, когда я гуляла в парке, она открывала окно и кричала:

– Блондюша моя маленькая! Не сходишь ли ты мне за хлебом?

Я никогда ей не отказывала, даже если мне приходилось прерывать игру с друзьями. Покупки для Паши давали мне возможность поговорить с ней. Вероятно, ей хотелось того же, потому что в магазин она вполне могла сходить и сама. Поскольку бабушка Ела жила далеко, Паша стала для меня второй бабушкой. Она любила говорить о Боге и восхищалась нашей католической верой.

– Держись своей веры, – наставляла она меня. – А когда будешь выходить замуж, выбирай единоверца. Так будет лучше для детей.

Я улыбалась.

– Дети? Брак? Это же ещё так не скоро!

– Да... Но настанет день, дорогая, и ты скажешь: «Ах, это было так давно!»

В Сараево было очень мало людей с такой крепкой верой, как у Паши. Коммунисты добились большого успеха в секуляризации общества. Рождество стало обычным рабочим днём, дети также буднично шли в школу. Власти обращали особое внимание на тех, кто в этот день отсутствовал на работе или учёбе.

Мы с родителями старались праздновать Рождество по всем правилам, насколько это было возможным в стенах нашей маленькой квартиры. В сочельник украшали небольшую ёлку, молились вместе и пели праздничные песни; рождественским же утром, как все остальные, шли на работу и в школу, зато вечером отправлялись на Святую Мессу, после которой дома нас ждала праздничная трапеза. На следующий день к нам приезжал дядя со своей семьёй. Несмотря на все сложности, у нас всегда было замечательное Рождество.

Когда мне было двенадцать лет, отцу предложили новую работу – обучать техников-радиологов в Ливии. Ему было очень тяжело уезжать так далеко, но платили хорошо, а он хотел обеспечить нам лучшую жизнь. Однажды я получила по почте в подарок от него кассетный магнитофон и решила, что папа разбогател. Я не знала, что в Ливии вся электроника была намного дешевле. За два года отсутствия отца у меня прибавилось ответственности за Миро, который, немного повзрослев и обретя независимость, часто пытался от меня отделаться. «Мне не нужна ещё одна мама», – говорил он.

На мне лежала обязанность по уборке квартиры, и обычно я старалась навести порядок до возвращения мамы с работы. Мне хотелось, чтобы она порадовалась чистоте и красоте нашего дома, поэтому я любила ставить для неё цветы в вазу и просила Миро сходить за ними, но, как всякий мальчишка, он стыдился покупать «девчачье». После уговоров, разозлившись, он убежал в цветочный магазин, а обратно шёл пригнувшись и прячась, чтобы никто из друзей не увидел его с букетом. В дверях я забирала у брата букет и не разрешала переступить порог до прихода мамы, чтобы он не нарушил чистоту квартиры. Конечно, Миро это не нравилось. Не считая этих мелких раздоров, наш дом всегда был полон любви.

Родители почти не говорили со мной о вере, по крайней мере словами. Вместо этого они подавали живой пример, показывая нам, детям, всю важность молитвы. Свою религиозность они не демонстрировали, но большинство соседей знало, что мы католики. Скрыть это было невозможно. Рядом с нами жила с семьёй одна девочка, Гордана. Они были православными сербами, но не практиковали веру. Как и многие другие в Сараево, родители Горданы не видели в том никакой нужды. Но Гордана, бывая у нас в гостях, наблюдала за нашей семьёй. Она видела, что мы ходим на Мессу, вместе молимся, и наш дом наполнен чем-то особенным – чем-то, что не видно глазу, но очевидно для сердца.

– Почему мы нигде не бываем? – спросила однажды Гордана маму.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась та.

– Было бы так хорошо жить, как семья Мирьяны. Почему мы не молимся и не ходим в церковь, как они?

Поначалу эта идея не пришлась по душе родителям Горданы, но она упорствовала, и в конце концов её папа с мамой сдались. Они начали ходить в ближайшую православную церковь и собираться на семейную молитву.

В подростковом возрасте я не отличалась излишним благочестием, но верила всегда. Как все католики, я очень почитала Пречистую Деву Марию, но более близкие отношения у меня складывались с Иисусом. Я часто к Нему обращалась. В своей детской вере я смотрела на Иисуса как на старшего брата, которому могла доверить все свои страхи и тревоги – от детских ссор до сложных школьных экзаменов. Я задавала Ему вопросы о смысле жизни, а особенно один, который не выходил у меня из головы никогда: почему люди должны страдать?

Сколько себя помню, я всегда сочувствовала страдающим людям. С малых лет при виде больного или подавленного горем человека я начинала плакать, сопереживая ему от всего сердца. Я постоянно задавалась вопросом, почему милостивый Бог допускает страдания

людей? Взрослые советовали мне не обращать внимания на грустные вещи, а радоваться и развлекаться, как другие дети. Но как я могла быть счастливой, когда кто-то страдает?

Весной 1981 года мне всё чаще хотелось побыть одной. Мама замечала мою обострённую чувствительность и весьма волновалась, а моё настойчивое желание провести целое лето в Меджугорье лишь усиливало её тревогу.

– У тебя есть молитвенник? – спросила я её однажды вечером.

– Молитвенник? – переспросила она. – Зачем?

– Не знаю... Просто чувствую, что мне нужно молиться.

Она заколебалась, а затем пошла в спальню и вернулась с молитвенником, подаренным им с папой на свадьбу.

– Есть только этот, – сказала она.

В Югославии молитвенники были редкостью. Печать и ввоз в страну книг религиозного содержания были запрещены, но по традиции всем молодожёнам разрешалось получить в день свадьбы молитвенник. Мои родители очень берегли свой экземпляр.

Я уединилась и начала внимательно листать эту книгу. Я чувствовала, что обретаю в ней бесценное сокровище. С каждой произнесённой молитвой моё сердце наполнялось радостью. А мама в это время лежала на кровати в другой комнате и не находила себе места от беспокойства: для неё моё странное поведение было предзнаменованием чего-то недоброго. Она всю ночь проплакала, уверенная, что со мной что-то случится. И она была права: что-то случилось.

В первые дни явлений.
Слева направо: я, Вицка, Иванка, Яков и Мария

3

*Дети Мои, не бойтесь открыть Мне свои сердца.
Я с материнской любовью покажу вам, чего ожидаю от каждого из вас,
от Своих апостолов. Идите со Мной.*

Из послания Богородицы от 18 марта 2011 года

Не могу передать, в каком состоянии я проснулась утром 25 июня 1981 года. Несмотря на бессонную ночь и плохое самочувствие, рано утром, как и в любой другой день, я пошла вместе с кузинами собирать табак. Весна и Милена напомнили мне, что вечером мы идём в гости к тётке, и многозначительно добавили, что там будет и Марко. Я согласно кивнула, но думать мне хотелось только о женщине на горе.

В тот день в поле у меня не было возможности увидеть остальных детей – тех, кого вместе со мной позднее станут называть визионерами. Погрузившись в монотонную работу по сбору и развешиванию табака, я снова и снова перебирала в мыслях события предыдущего вечера. Неужели я правда это видела? По мере приближения часа, в который днём ранее у нас было видение, меня начало охватывать странное ощущение. Что-то звало меня вернуться к горе. Вскоре это чувство усилилось настолько, что я больше не могла не реагировать на него.

– Дядя Шимун, я чувствую, что должна снова пойти к горе. Можно?

Дядя посмотрел на меня и задумался.

– Ладно, – наконец согласился он, – но мы с тёткой пойдём с тобой. Хотим видеть, что там происходит.

И мы сразу же отправились к подножью Подбрдо, где собралась добрая половина села. Новости в Бьяковичах распространялись очень быстро. В толпе я нашла Иванку, Вицку и Ивана. Три вспышки белого света заставили нас взглянуть на гору, где мы, совершенно потрясённые, увидели ту же самую женскую фигуру, что и в предыдущий день, но на этот раз она находилась чуть выше. Вместе с ещё двумя детьми, которых накануне с нами не было – шестнадцатилетней Марией и десятилетним Яковом – моим двоюродным братом, мы побежали наверх, к этой женщине.

Оставшиеся у подножья горы люди были поражены тем, как молниеносно мы взлетели по крутому склону. Мы словно парили над огромными камнями и колючими кустарниками. Некоторые попробовали бежать за нами, но догнать нас не могли. Я была совершенно неспортивным городским ребёнком, но бежала вверх без каких-либо усилий. Мне казалось, что я практически лечу и что-то меня несёт к месту, где стоит женщина. «Чтобы подняться в гору, нужно как минимум двенадцать минут, а дети забрались туда за две, – позже рассказывал мой дядя. – Когда я это осознал, я испугался».

Впервые взглянув на женщину с близкого расстояния, я поняла, что Она – не из этого мира. Все мы одновременно и непроизвольно упали на колени. Не зная, что нужно говорить или делать, мы начали читать молитвы «Отче наш», «Радуйся, Мария» и «Слава Отцу». Нас крайне удивило, что Она тоже молилась с нами и только на «Радуйся, Мария» молчала.

Стояла Она в прекрасном голубом облаке. У Неё была блестящая оливковая кожа, а цвет глаз напоминал синеву Адриатики. Длинные чёрные волосы были покрыты белой вуалью, кроме одного локна на лбу и нескольких прядей, которые виднелись из-под платя. Всё в Ней казалось неземным: от нездешнего серо-синего блеска длинного платья до силы взгляда, от которого захватывало дух. Одно только Её присутствие приносило ощущение мира и материнской любви, но я чувствовала и сильный страх, потому что не понимала, что происходит.

– Не бойтесь, дети Мои! – сказала Она на чистом хорватском языке звонким и мелодичным голосом, который не смог бы воспроизвести ни один человек. Её голос звучал как музыка.

Иванка набралась смелости и задала вопрос, который, очевидно, рвался у неё из груди:

– Как моя мама?

Богородица с нежностью взглянула на неё:

– Она со Мной.

Кто-то спросил Её, придёт ли Она на следующий день, и Она кивнула. В самую первую встречу сказано было немного. Кажется, на тот момент было важно, чтобы мы немного освоились с предстоящей нам ролью.

Я всегда была слишком застенчива. Ребёнком, когда к нам домой приходили гости, я убегала в другую комнату и закрывала за собой дверь. Если мама заставляла меня выйти, я вставала в угол и молчала до самого ухода гостей. Так же я ощущала себя и во время первого явления. Меня переполняло благоговение. Единственным моим желанием было любоваться Её красотой и пребывать в той безмерной любви, которую я ощущала, когда Она смотрела на меня.

Местные наконец забрались наверх. Никто из них не мог видеть того, что видим мы. Позже они рассказывали, что были потрясены выражениями наших лиц. Мы слышали собственные голоса во время явления, но они видели только наши беззвучно шевелящиеся губы, а слышать могли лишь наши молитвы и некоторые ответы, которые мы давали Богородице.

Потом мне было очень тяжело слушать, как присутствовавшие описывали первое явление. Я ощущала себя почти так же, как если бы чужие люди наблюдали за мной, пока я сплю. Но то, что увидели жители Бьяковичей, убедило их в сверхъестественном характере происходящего. Что же предстало перед их глазами? Шестеро детей, частично знакомых между собой, которые стояли на коленях на острых камнях и колючках с горящим взором, прикованным к чему-то невидимому. Впоследствии учёные квалифицировали наше состояние как экстаз. Лично для меня экстаз означает – пребывать на Небесах.

– Ты оставишь какой-нибудь знак, – обратилась Вицка к Деве Марии, – чтобы люди нам поверили?

Богородица только улыбнулась в ответ. Через некоторое время Вицка спросила меня, который час. Этот вопрос показался мне совершенно неуместным – я была слишком поглощена Пресвятой Марией, чтобы смотреть на наручные часы. Я надеялась, что встреча с Ней будет длиться вечно, но вскоре Богоматерь сказала:

– Идите в мире Христовом!

И, быстро поднявшись вверх, растворилась в синеве. В то же время я ощутила, что возвращаюсь в наш мир. Каким же болезненным и печальным был этот переход! Я бы хотела остаться с Богородицей навсегда.

Вытирая слёзы, я посмотрела на других визионеров. Было очевидно, что и они возвращаются в реальность с тем же трудом, что и я. Иванка была потрясена больше остальных, и на это была причина – теперь она точно знала, что её мама с Девой Марией.

Окружавшие нас люди утверждали, что явление длилось десять-пятнадцать минут, но это казалось невозможным. По нашим ощущениям, оно заняло гораздо больше времени. Я посмотрела на часы, чтобы проверить время, и остолбенела. Цифры и стрелки на циферблате развернулись. Два часа теперь находились на месте десяти часов, и так далее в зеркальном отображении, а стрелки шли в обратном направлении. Я сразу же вспомнила, как Вицка спрашивала меня, сколько времени. Всё это было необъяснимо. По пути вниз люди засыпали нас вопросами, но мы были ещё слишком растеряны, чтобы давать подробные ответы. Мы только что пережили вместе нечто необыкновенное, связанное с Богом и Божьей Матерью, но для каждого из нас это ещё была и личная, очень важная встреча.

Отец Славко – священник, который позже стал служить в Меджугорье – однажды очень расстроился из-за того, что ему никак не удавалось собрать вместе всех шестерых визионеров. «На месте Богородицы, – говорил он, – я бы никогда вас не выбрал. Вы такие разные! И для меня это знак, что происходящее – правда».

Если бы не явления, большинство из нас никогда бы не подружились. Мои первые впечатления об остальных визионерах, скорее всего, отражали недоумение большинства: ни один из нас не отличался от других сельских детей особой набожностью, у каждого были свои достоинства и недостатки. Но несмотря на это – а может, и благодаря этому, – Богородица выбрала нас и собрала вместе.

Семнадцатилетняя Вицка Иванкович, с тёмно-русскими вьющимися волосами и не сходящей с лица улыбкой, отличалась весёлым и живым нравом. Она всегда первой брала инициативу в свои руки. Вицка – это производное от её полного имени Вида. На хорватском языке слово «видение» и её имя – однокоренные.

Ивану Драгичевичу было шестнадцать. До начала явлений мы не были знакомы. Высокого роста, черноволосый, он казался застенчивым и тихим. По-еврейски его имя звучит как Иоанн, оно часто встречается в Новом Завете и означает «Бог милостив».

Не знала я и шестнадцатилетнюю Марию Павлович – худощавую девушку с короткими тёмно-русскими волосами. Её имя, как и моё – славянские варианты исходного еврейского имени Мариам.

Самым младшим из нас был десятилетний Яков Чоло, мой двоюродный брат, однако до начала явлений мы с ним совсем не общались. Жил он со своей мамой Якой и часто смешил нас своей детской наивностью. Яков носит имя покровителя меджугорского прихода, св. Иакова.

И, конечно же, моя любимая подруга Иванка Иванкович – самая младшая из четырёх девочек. Ей было пятнадцать. Она любила опаздывать и, когда бы мы ни собирались вместе, всегда приходила последней.

Все мы были очень разными, но нас связал сверхъестественный дар видеть Богородицу. Наше восприятие этого опыта – как и наши характеры – было и остаётся различным, но все эти годы мы согласны в одном: невозможно описать словами красоту Божьей Матери и чувство, которое мы испытываем, когда смотрим на Неё.

Герцеговинские священники-францисканцы

4

Призываю вас: станьте апостолами света, излучайте любовь и милосердие. Дети Мои, ваша жизнь – всего лишь миг перед вечной жизнью.

Из послания Богородицы от 2 августа 2014 года

«Наверняка это всё дело рук блондинки из Сараево!» В первые дни явлений я стала главным объектом подозрений тогдашней милиции и часто слышала такие заявления. Меня даже обвиняли в том, что я привезла из города наркотики, хотя тогда я знала об этих веществах лишь то, что они как-то связаны с лекарствами.

Мне было больно слышать эти обвинения, но я понимала, почему подозрения пали именно на меня. В селе, где все друг друга знали, я была чужаком. Я даже говорила иначе. Язык в Югославии был один, но в Сараево, где я росла, преобладал его сербский диалект, и он заметно отличался от хорватского, распространённого в Меджугорье.

В общем и целом местное население нас поддерживало. Я считала, что по-другому и быть не может, ведь все были тому свидетелями и знают, что мы говорим с Богородицей. У меня не укладывалось в голове, что люди стоят у нас за спиной во время явления и не видят того, что видим мы. Казалось совершенно невероятным, что в моих словах можно сомневаться – я бы никогда не стала лгать о чём-то настолько святом. Как бы там ни было, меня в те дни интересовало одно – снова увидеть Её. Я жила больше на Небе, чем на земле, и меня не волновало, что говорят родители, священники, милиция. Каждый день я жила исключительно ради момента, когда приходила Она. Всё остальное казалось неважным.

Вечером 25 июня Марко со своими родителями и двумя братьями выехал из дома в Мостаре на семейную встречу, на которой должна была присутствовать и я. У него были большие планы на тот вечер. Он наконец собирался попросить меня стать его девушкой. Когда они ехали по Читлуку, их машину остановила тётя Марко – она увидела их и махнула рукой. Его отец остановился, и тётя подбежала к окну вне себя от возбуждения:

- Вы знаете, что случилось в Меджугорье?
- Нет, – ответила мама Марко, – что?
- Шестеро детей утверждают, что видят Богородицу!

Марко подался вперёд:

- Что это за дети?

Тётя перечислила визионеров, и, когда прозвучало моё имя, у Марко упало сердце.

«Вот и всё, – подумал он. – Всё кончено».

Он знал, что я никогда не вру, и поверил сразу же, но решил, что случившееся сильно меня изменит. Его мечты о нашем совместном будущем рухнули. Я же была целиком захвачена событиями предыдущего дня и была не в состоянии присутствовать на той семейной встрече. Так Марко остался наедине со своими переживаниями.

За прошедшие годы дядя Шимун, тётя Слава и двоюродные сёстры очень хорошо узнали меня и понимали, что я говорю правду. Они никогда не видели меня такой возбуждённой, испуганной и набожной. Сёстры и тётя задавали мне много вопросов о Божьей Матери и внимательно слушали, что я о Ней рассказывала. Дядя Шимун полностью меня поддерживал, стараясь в то же время не быть чересчур навязчивым. Он понимал – мне нужно побыть наедине с собой, чтобы осознать происходящее. Бабушка Ела тоже мне поверила. Она заметила и как много я молюсь, и кое-что ещё.

- У тебя лицо стало другим, – как-то сказала мне она.
- Что ты имеешь в виду, бабушка?

Она наклонилась ко мне:

– Твоё лицо как будто что-то освещает.

Для моей бабушки вера значила всё. В своё время, за много лет до описываемых событий, на её долю выпали невыносимые испытания. После начала Второй мировой войны бабушка, её муж Мате – мой дед с маминой стороны – и их пятеро детей жили в Меджугорье. Как и большинство семей в то невероятно тяжёлое время, они возделывали землю и боролись за выживание.

Я никогда не знала деда, но выросла на рассказах о нём. Моя мама и дядя Шимун безмерно любили своего отца. Он был приветлив и великодушен. Люди в селе ценили его за основательность и часто обращались за советом по важным для себя вопросам. В ту пору в Герцеговине приходилось много и тяжело трудиться, чтобы прокормить семью, но даже огромный запас прочности не помог деду в беспокойные дни, когда власть захватили коммунисты.

Молодых людей часто призывали на так называемые «добровольные рабочие акции», которые на самом деле являлись далеко не добровольными трудовыми лагерями. Когда забрали Нико, сына Елы и Мате, он взглянул на мать и сказал: «Не вернуться мне живым!»

К сожалению, страхи Нико сбылись. В один страшный день представители власти привезли бабушке его тело и сказали, что он погиб от несчастного случая. Такое горе подкосило бы любую мать, но она каким-то образом смогла подавить боль и пройти пешком пятнадцать километров до того места, где в поле работал мой дед. Она не хотела, чтобы он узнал о гибели сына от кого-то другого.

Через недолгое время после смерти Нико – дяди, которого я уже никогда не узнаю – власти предъявили моему деду ничем не обоснованное обвинение в национализме. Без предупреждения и без обоснования однажды ночью коммунисты просто пришли в дом и забрали его.

Тогда подобные ужасные вещи были в порядке вещей. В каждом селе у власти находились шпионы. Сдать государству «врага» (неважно, правдив был донос или являлся лишь чьей-то мстостью) значило обеспечить себе «светлое будущее» в коммунистической партии. Много ни в чём не повинных людей было убито и брошено в безымянные могилы.

Месяцы шли, а Мате не возвращался. Тогда Ела поняла, что и он тоже мёртв. Она так никогда и не узнала, где похоронен муж. Когда отца забрали, моей маме было всего девять лет. На собственном опыте испытав жестокость режима, она редко говорила о Мате, боясь провоцировать коммунистов. Даже когда мама переехала в Сараево, органы постоянно напоминали ей, что она под наблюдением как дочь своего отца. Её предупредили о возможных серьёзных проблемах, если она будет распространяться на рабочем месте о нём, о религии или о чём-то ещё столь же «неуместном».

Для меня бабушка была настоящим героем. Потеряв мужа, она осталась нищей вдовой. Пятерых детей она поднимала в крайней нужде. Этот подвиг она приписывает исключительно Божьей милости. Когда начались явления, бабушке Еле было восемьдесят лет. Её вера была испытана огнём и очищена десятилетиями молитвенной жизни. Для меня было большим утешением, что она сразу же поверила моему рассказу. Она знала, что я никогда не стала бы врать, а особенно о том, что свято.

Твёрдая вера бабушки не была чем-то исключительным. Абсолютное большинство людей в Меджугорье жили ради Бога. Ещё до начала явлений семьи каждый вечер вместе читали Розарий. Молитву обычно вёл самый старший её член. Мы тоже собирались после ужина в доме моего дяди. Бабушка очень серьёзно относилась к своей роли и после Розария начинала молиться за священников, за больных, за беременных и за всех, кто только приходил ей в голову. В детстве нам казалось, что эти молитвы никогда не кончатся.

Но благочестие не сводилось лишь к молитве Розария – жизнь в Меджугорье почти полностью строилась вокруг веры. Например, по религиозным праздникам люди никогда не работали в поле, а это многое говорит об их отношении к Богу: поле было единственным источни-

ком пропитания и выживания. Гора, возвышающаяся над селом, с большим бетонным крестом на вершине – ещё одно неизменное свидетельство их любви ко Христу. В 1933 году настоятель прихода, францисканец отец Бернардин Смолян вместе с прихожанами решил возвести крест в честь 1900-летней годовщины Распятия. Гору стали называть Крыжевац. Десять лет спустя коммунисты убили отца Бернардина и ещё целый ряд священников.²

Недалеко от Меджугорья находится городок Широки-Бриег с большим монастырём и церковью в честь Вознесения Пресвятой Девы Марии. Священники и братья, которые там живут – члены францисканского ордена, начало которому положил святой Франциск Ассизский – служат в Герцеговине не одну сотню лет. Несмотря на периоды тяжёлых гонений, они никогда не оставляли здешний народ. На нашей земле повсюду можно увидеть францисканцев в длинных коричневых хабитах. Меджугорский приход также управляется францисканцами. Местные жители с особым трепетом вспоминают о монахах, погибших в Широки-Бриеге в 1945 году.³

Когда близился конец Второй мировой войны, коммунисты особенно рьяно навязывали югославскому народу атеистическую идеологию. Для них набожность населения была серьёзной проблемой. Религиозные убеждения людей того поколения были настолько тверды, что представляли ощутимую угрозу планам режима.

7 февраля 1945 года группа солдат вошла в Широки-Бриег с чётким планом – нанести удар по месту, где, как им казалось, находился источник веры. Для процветания коммунизма нужно было заставить замолчать священников. Сталин как-то сказал: «Смерть – решение всех проблем. Нет человека – нет проблемы».

В народной памяти сохранилось, как солдаты выстроили монахов в линию, а командир, злобно сверкая глазами, ожесточённо кричал им: «Бога нет! Папы нет! Церкви нет! Священники никому не нужны! Вы должны выйти из монастыря и работать, как остальные люди! Немедленно снимайте хабиты!» Отказавшись подчиниться, францисканцы стоически ждали дальнейшей участи. Один солдат якобы сорвал со стены монастыря распятие и бросил его им под ноги, закричав: «Сейчас каждый из вас должен выбрать – жизнь или смерть!»

Один за другим францисканцы падали на колени и прижимали к сердцу крест. Солдаты вывели их в поле, убили и бросили двенадцать тел в тесный погреб в монастырском дворе. Там они пролежали много лет, и лишь спустя годы были захоронены на почётном месте в церкви обители.

По рассказам, первый солдат, которому командир отдал приказ стрелять во францисканцев, отказался это сделать и был убит там же, у монастырской стены. Затем ещё один рядовой разделил его участь. Пришла очередь третьего. Тот солдат спустя годы и рассказал всю эту историю. Не видя выхода, он пошёл выполнять приказ. Увидев мирных францисканцев, погружённых в молитву, он сразу понял, почему двое его предшественников оказались не в состоянии нажать на курок. Тем не менее страх настолько сковал его разум, что он сказал себе: францисканцев всё равно убьют, а если он подчинится приказу, то хотя бы один человек останется жив.

Он убил монахов и многие десятилетия продолжал мучиться от этого. «Эта ужасная картина постоянно стоит перед глазами, – говорил он. – Поначалу я старался забыть обо всём, но все мои усилия оказались бесполезны. С тех пор не могу спать. Каждая ночь для меня – ад, из которого нет никакого выхода».

Всего в Широки-Бриеге коммунисты убили тридцать четыре францисканца и более пятисот священников во всей Боснии и Герцеговине. Но их смерть не осталась бесплодной. Рас-

---

² От хорв. *križ* – крест. – Прим. пер.

³ Монашеских рясах. – Прим. пер.

стрел монахов в Широки-Бриеге имел противоположный эффект тому, на который рассчитывали коммунисты. Прошедшие события лишь укрепили веру местного населения.

Вот в такой атмосфере я росла. «Умрёшь за Бога – будешь жить вечно, – сказала мне как-то мама. – Скажешь Богу „нет“ – умрёшь навсегда!» Тогда это заявление сбilo меня с толку и вызвало раздражение, но, повзрослев, я поняла, что она пыталась мне сказать: никогда ничего нельзя ставить выше веры, и ничего нет в жизни важнее, чем заслужить вечную жизнь с Богом.

Я задавалась вопросом: а если и меня поставят перед таким же выбором, смогу ли я постоять за свои убеждения? Тихая обычная девочка и подумать не могла, что очень скоро ей действительно предстоит ответить на свой вопрос. После начала явлений я стала объектом преследований той же самой власти, которая убила моего дядю, деда и тридцать четыре францисканца в Широки-Бриеге.

Мы вшестером в первые дни явлений.
Слева направо: Иван, Мария, Иванка, я, Яков и Вицка

5

Хочу быть вам Матерью и учить вас истине, чтобы в простоте открытого сердца вы познали её бесконечную чистоту и свет, который разрушает тьму и даёт надежду.

Из послания Богородицы от 2 мая 2014 года

На третий день, 26 июня 1981 года, мы пришли на место явления и, к своему удивлению, увидели сотни людей, которые уже ждали на горе. Новость быстро успела распространиться по всей округе. Было невыносимо жарко и столпившиеся вокруг нас люди лишь усугубляли неудобство, но ничто не могло помешать нам быть на горе. Снова мы взлетели наверх с немыслимой скоростью и упали на колени перед Марией. Потом нам сказали, что явление длилось тридцать минут.

Мария приветствовала нас словами «Слава Иисусу», в котором мы все узнали часть традиционного хорватского приветствия: «Слава Иисусу и Марии». Позже я поняла, почему Богородица произнесла только первую часть. Будучи смиренной рабой Божьей, Она бы никогда не стала возвеличивать Себя.

Бабушка Вицки предложила внучке испытать видение, покротив его святой водой. По замыслу бабушки, если оно – от дьявола, святая вода его рассеет. Но вместо того, чтобы покропить, Вицка чуть ли не целую кружку вылила на Марию.

– Если ты Богородица, останься с нами, – крикнула она. – А если нет, испарись!

Мать Божья лишь улыбнулась. Кто-то из нас спросил Её, почему Она решила появиться в Меджугорье, а не в другом месте.

– Я пришла сюда, потому что здесь много людей с искренней верой. Я пришла, чтобы призвать к обращению и примирению всего мира.

– Почему Ты являешься нам? Мы ничем не лучше других.

– Потому что вы нужны мне такими, какие есть! – ответила Она.

Когда явление закончилось и мы стали спускаться с горы, Мария вдруг отошла в сторону и упала на колени – ей было дано побыть с Богородицей ещё несколько минут. Во время этого явления Пресвятая Мария сказала со слезами на глазах: «Мир, мир, мир – только мир! Мир должен установиться между Богом и людьми, а также между всеми людьми».

Как только починили телефонную связь, моя тётя позвонила маме. Тётя Слава, отличавшаяся чувствительностью и добротой, не знала, как ей лучше преподнести новость. Как сказать матери, что её дочь видит Божью Матерь?

– С Мирьяной кое-что произошло, – осторожно начала тётя Слава.

– Что? Она заболела? – встревожилась мама.

– Ну, м-м-м, как бы тебе это сказать...

Моя мама всполошилась, решив, что случилось нечто настолько страшное, что тётя даже не может подобрать слов.

– Она говорит, что видит Богородицу!

Помолчав, мама спросила:

– На твой взгляд, с ней всё нормально?

– Как по мне, она такая же, как всегда. Не вижу в ней ничего ненормального, – ответила тётя.

И тогда мама вспомнила, как необычно я вела себя в Сараево.

– Значит, она и вправду что-то видела. Она не стала бы врать или шутить о таких вещах.

Мои родители немедленно выехали в Меджугорье и очень расстроились, впервые увидев меня во время явления. Особенно их встревожила моя мимика и слёзы. Они хорошо знали свою дочь и прекрасно понимали, что из-за чрезмерной застенчивости я бы никогда не пожелала оказаться в центре внимания такого количества людей. Родители ни разу не выказали ни малейшего сомнения в моих словах. Брату тогда было всего семь лет. Он поверил сразу. Для него всё было просто: если старшая сестра говорит, что видит Богородицу, значит, так оно и есть.

Когда пришло время возвращаться в Сараево, родители стали просить меня поехать с ними. Они очень беспокоились о моей безопасности: обстановка с каждым днём становилась всё напряжённее, людей и милиции (тогдашнее название полиции) собиралось всё больше. Я сказала им, что не готова возвращаться. На самом деле мне хотелось навсегда остаться в Меджугорье, потому что я думала, что Богородица может являться только там. А ничего более важного, чем видеть Её, для меня не существовало. Позже мама рассказала мне, что на обратном пути в машине папа плакал. «Что с ней теперь будет?» – то и дело повторял он.

На следующий день, 27 июня, незадолго до явления мы шестером отдыхали дома у Марии. Вицка и я лежали на прохладном полу под большим покрытым скатертью столом, а остальные сидели на диване. Внезапно внутрь заглянул милиционер.

– Где здесь те, кто якобы видит Богоматерь? – крикнул он.

Мы вылезли из-под стола. Наверное, это его очень удивило.

– Садитесь в машину! – скомандовал он.

Когда мы выходили из дома, родственники Марии наставляли нас:

– Не давайте им делать вам уколы и не пейте никакие таблетки.

Милиционер отвёз нас в участок соседнего городка Читлук. Судя по всему, местным правоохранительным органам сверху спустили приказ «потушить пожар». Но это было пламя, которое уже никто не мог погасить.

В милиции на нас стали напирать и обвинять во лжи. Мы раз за разом повторяли, что говорим правду. Сотрудники начали кричать и ругаться. Тогда я впервые в жизни услышала нецензурную брань. Конечно, мы были испуганы, но наше упорство сбивало их с толку и постепенно смягчало напор. Возможно, кто-то из них даже поверил нам, но показать этого они не могли. В Меджугорье и Читлуке многие милиционеры тайно крестили детей и даже венчались под покровом ночи, но на службе они должны были выполнять приказы.

После допроса нас повели на осмотр к врачу. Мы сидели в холле перед кабинетом и нервничали. Первым вызвали Ивана, за ним – Вицку. Через тонкие стены мне было слышно, как она отказывается от осмотра. Когда врач вызвал Иванку, было без пятнадцати минут шесть. Я заволновалась, что мы опоздаем на явление, и вошла в кабинет вместе с ней. Врач грозно на меня посмотрел.

– А тебя кто звал? – спросил он.

– Мы торопимся, – ответила я. – Нам нужно возвращаться.

– Нет. Вы все должны оставаться здесь!

Он закурил сигарету и предложил мне.

– Нет, – отказалась я.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Мирьяна.

– Откуда ты, Мирьяна?

– Из Сараево.

– А, из Сараево. Значит, та самая. Вытяни руки.

Он проверял, будут ли у меня дрожать руки, но они были неподвижны.

– Нам на самом деле надо возвращаться, – повторила я.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку и с кем-то заговорил. В его голосе мне послышалась какая-то срочность. Повернувшись к нам, он объявил:

– Сейчас вас отвезут на осмотр к психиатру в Мостар.

– Нет, – сказала я.

– Нет?

– Может, вы думаете, что мы сумасшедшие?! Что вам ещё от нас нужно? – Я открыла дверь. – До свидания. Нам нужно идти!

И мы ушли. В ближайшем кафе нам удалось найти человека, который согласился довезти нас до Бьяковичей, и мы набились к нему в машину. Время явления было совсем близко. На подъезде к Меджугорью мы увидели, что милиция перекрыла дорогу. Мы не могли поверить своим глазам! На обочине были припаркованы сотни автомобилей. Люди, ехавшие на явление, оставляли машины и шли пешком. Милиционеры выписывали штрафы и переписывали регистрационные номера. Мы выскочили из машины и побежали к горе. Как только мы оказались там, небо трижды осветилось вспышками света.

Наряду с преследованиями милиции нам пришлось столкнуться с подозрениями человека, на поддержку которого мы больше всего рассчитывали – нашего настоятеля. Отец Йозо Зовко, сорокалетний францисканец, служил в Меджугорье совсем недолго. Он стал настоятелем прихода Св. Иакова всего за несколько месяцев до начала явлений и был известен здесь своими длинными проповедями. Когда Богородица впервые явилась, он находился в Загребе на духовных упражнениях. В Меджугорье он должен был вернуться 27 июня и по пути ненадолго остановился в Мостаре навестить больную мать. У входа в больницу он встретил прихожанку из Меджугорья, которая приехала туда с травмой руки.

– Где же вы были всё это время? – крикнула она ему. – В Меджугорье явилась Богородица, а вас нет!

– Не понимаю, о чём вы, – ответил он. – Если кто-то что-то видит, пусть себе видит. А все остальные пусть идут в церковь и молятся Богу.

Закончив дела, он вместе с ещё одним священником поехал в Меджугорье. По дороге отец Йозо передал ему разговор с прихожанкой и сказал:

– Скорее всего, она головой ударилась, а не рукой.

Но, увидев множество людей, идущих в направлении горы, он больше не мог игнорировать происходящее. Сначала он стал подозревать худшее: ложь, галлюцинации или провокации коммунистов с целью навредить его служению. Видя людей, идущих мимо церкви Св. Иакова в сторону горы, он заволновался. Если это и вправду Пресвятая Дева Мария, то почему бы Ей не являться в церкви?

Отец Йозо начал служить в Меджугорье в начале года, я в это время была в Сараево и поэтому ни разу его не видела. Всю жизнь я с благоговением и уважением относилась к священникам, поэтому, когда 27 июня он пригласил меня на встречу в приходской дом, я немного волновалась. Тёмно-карие глаза отца Йозо были такого же цвета, как и волосы. Лицо можно было бы назвать приятным, если бы не его нарочитая строгость. С невероятно серьёзным видом он пригласил меня сесть и рассказать о явлении, произошедшем накануне.

– Мы пришли на гору, – начала я, – и увидели тройную вспышку света в небе. Я посмотрела на гору и сказала: «Смотрите!» В этот раз Мария стояла ещё выше, чем в предыдущие разы.

– И что вы сделали?

– Побежали, как на крыльях ветра. Добежав до Неё, упали на колени. На горе было много людей. Пока мы стояли на коленях, кто-то наступал нам на ноги, кто-то ставил перед нами детей. От всего этого и от сильных переживаний я упала в обморок.

– Ты упала в обморок?

– Да, Иванка и я потеряли сознание. Наверное, из-за духоты и всего остального. Каждый хотел, чтобы мы о чём-то спросили у Богородицы. Я спросила Её про своего деда, которого очень любила. Она сказала, что у него всё хорошо.

Мой дед Илья с отцовской стороны умер за несколько месяцев до начала явлений. Мама моего отца скончалась, когда я была маленькой, и я почти её не помню, но дед Илья был мне очень дорог. Имя Илья означает «Яхве – мой Бог». У деда был хороший характер и всегда, когда я приходила в гости, он крепко меня обнимал и целовал. Помню, как он всегда сидел перед домом и курил, а с морщинистого лица не сходила спокойная улыбка. Он крутил самокрутки, и я всегда привозила из Сараево его любимую папиросную бумагу.

Незадолго до смерти деда к нему в Меджугорье приехал мой папа. Это было во время учебного года, и я приехать не успела. В последние минуты жизни дедушка спрашивал обо мне, ему очень хотелось в последний раз меня поцеловать. Я очень сожалела, что не смогла с ним проститься, и мне было невероятно радостно услышать от Богородицы, что с ним всё хорошо. Отец Йозо попросил меня рассказать, что Божья Матерь делала во время явления. Нет таких слов, с помощью которых возможно описать, каково это – быть с Ней, но я попыталась:

– Она часто смотрела на народ. Мы просили у Неё, чтобы Она оставила какой-нибудь знак, чтобы люди поверили и не смеялись над нами, но Она ничего не ответила на эту просьбу. Просто сказала: «Я приду и завтра».

– Она красива?

– О Боже, да, невероятно! У Неё чёрные слегка вьющиеся волосы и голубые глаза.

– Ты когда-нибудь видела девушку, как Она?

– Никогда.

– Она высокая? Ниже тебя?

– Примерно как я, но Она стройнее. Она необычайно красива.

Мне хотелось объяснить, что же делает Её такой красивой, но я не могла выделить ничего особенного. Когда люди говорят о физической красоте, они часто описывают глаза, волосы или другие отличительные признаки. Красота Божьей Матери другая. В Ней красива каждая черта по-отдельности, и вместе они складываются в очень гармоничную внешность. Овальное лицо обрамляет белая вуаль. Кожа смуглая, как у всех жителей Средиземноморья, а сочетание с чёрными волосами делает Её похожей на людей с Ближнего Востока. Маленький нос совершенной формы очень подходит к миндалевидным глазам, а румянец сочетается с аккуратными и нежными губами.

Её образ лучше всего описывает слово «материнский», а лицо выражает материнские качества – заботу, сочувствие, терпение, нежность. Её взгляд излучает такую любовь, что мне казалось, будто Она обнимает меня.

– А как Она держит руки? – продолжал спрашивать отец Йозо.

– По-разному. Она не застывает в одном и том же положении всё время.

– А тебе вообще не страшно было на Неё смотреть?

– Нет,нисколько. Мне было очень приятно. Мне бы даже было не жаль, если бы Она одного из нас увела с Собой, чтобы народ увидел, что это на самом деле Божья Матерь.

Отец Йозо пытливо посмотрел на меня:

– Забрать одного из вас? А ты бы хотела, чтобы Она забрала тебя?

– Да.

– Серьёзно? И ты бы не жалела об этом?

– Нет.

Я говорила всерьёз. Бесконечная любовь, которую я ощущала во время явления, не шла в сравнение ни с каким земным переживанием. Всякий раз, когда я вижу Богородицу, у меня есть только одно желание – остаться с Ней навсегда.

– Мне обидно, – продолжала я, – когда говорят, что я привезла из Сараево наркотики.

На лице отца Йозо отразилось беспокойство:

– Кто это говорит?

– Милиционеры. Двое из них меня позвали и попросили показать часы. Я показала и рассказала, что с ними произошло, а потом отошла, но случайно услышала, что они говорят: «Наверное, эта и привезла наркотики из Сараево». И другие люди говорили то же самое.

– А при чём здесь могут быть наркотики?

– Они думают, что мы наркоманы, приняли наркотики и поэтому видим Богородицу.

– А что ты об этом думаешь?

– Я бы хотела сказать им в глаза: пусть отведут меня к врачу и проверят, есть во мне наркотики или нет.

В течение следующих лет меня осмотрело столько врачей, сколько многие не видят за всю жизнь. Ожидая обнаружить у меня наркозависимость, эпилепсию, душевную болезнь или выявить обман, они вместо этого признавали мою абсолютную нормальность и не знали, что и думать.

Паломники идут к церкви Св. Иакова.
На заднем плане — гора Крыжевац

6

*В нечистом сердце не могут рождаться правильные и праведные вещи.
Оно не может служить примером красоты Божьей любви для окружающих
и тех, кто её не познал.*

Из послания Богородицы от 2 июля 2011 года

«Дети Мои, несправедливость была в этом мире всегда», – вот что ответила мне Божья Матерь на явлении 28 июня 1981 года, когда я пожаловалась, что нас обвиняют в приёме наркотиков и подозревают нарушения психики. В тот день мы спросили, как Её зовут. «Я Блаженная Дева Мария», – ответила Она. В ответ на вопрос, хочет ли Она что-то передать священникам, Она сказала: «Пусть имеют крепкую веру». Тогда мы попросили Её показаться тем, кто был с нами на горе, чтобы и они могли Её увидеть. «Блаженны не видевшие, но уверовавшие, – сказала Она и перевела взгляд на присутствующих людей. – Пусть верят так, как если бы видели». Затем, по обыкновению, мы попросили Её оставить какой-нибудь знак для всех. Но Она, как и прежде, лишь сказала, что снова придёт на следующий день.

Ранее в тот день мы вшестером были на воскресной Мессе в церкви Св. Иакова. Она была переполнена – люди приехали даже из отдалённых районов Герцеговины. Было очевидно, что многих привело сюда любопытство, а не благочестие: они по большей части разговаривали о знаках и чудесах, мало кто молился и крестился во время Мессы. Но больше всего нас беспокоила проповедь отца Йозо. Казалось, она была адресована именно нам:

«Это правда, что Бог может явить Себя. Это случалось и прежде – Богородица уже являлась на землю. Но зачем нам нужны такие чудеса, когда у нас есть Евхаристия, Библия и Церковь? Иисус – здесь! Друзья мои, мы всего лишь люди, а людьми так легко манипулировать. Мы живём в сложные времена и не должны терять бдительность. Прежде всего мы должны постоянно молиться Господу».

После такой проповеди мне было немного страшно идти на встречу с отцом Йозо, которая должна была состояться тем же вечером.

За несколько дней до этого одна прихожанка дала мне книгу о явлениях во французском городе Лурд, чтобы я прочла и сравнила те события с междугорскими. Я была впечатлена, узнав, что Богородицу уже кто-то видел. В 1858 году сельская девочка по имени Бернадетта собирала у реки хворост для обогрева. Внезапный порыв ветра заставил её поднять голову, и в близлежащем гроте она увидела красивую женщину. Женщина ничего ей не говорила. В следующие дни Бернадетта продолжала видеть Её на том же самом месте, и между ними началось общение.

«В этой жизни Я тебе счастья не обещаю, – сказала Пресвятая Мария. – Только в следующей». Когда у Бернадетты бывали явления, вокруг неё всегда собирались односельчане, но священник – отец Пейрамаль – так и не пришёл к гроту, чтобы самому во всём убедиться. Вместо этого он вызвал Бернадетту на разговор в приходской дом, засомневавшись в правдивости её слов. «У меня нет задачи убеждать вас, – сказала ему Бернадетта. – Моя обязанность – только рассказать».

Однажды Бернадетта спросила Женщину, как Её зовут, и Она ответила: «Я – Непорочное Зачатие». Когда Бернадетта рассказала об этом отцу Пейрамалю, он понял, что она говорит правду – простое и убогое дитя никак не могло знать об относительно новом церковном догмате о Непорочном Зачатии. Богородица оставила знак, который и по сей день можно увидеть в Лурде: чудотворный источник, возникший в гроте. В наши дни туда съезжаются больные со всего света, чтобы окунуться в него и помолиться об исцелении.

Узнав, что Божья Матерь являлась Бернадетте восемнадцать раз, я решила, что так будет и в Меджугорье. Что-то мне подсказывало, что до конца явлений остались считанные дни, и я рассказала об этом другим визионерам. В какой-то момент мы все начали в это верить. Учитывая постоянное давление со стороны властей и наше возбуждённое состояние из-за явлений, мы почти не спали и не ели. Казалось, ещё немного – и мы сойдём с ума, но глубоко в душе я отчаянно хотела, чтобы явления продолжались. Как я вернусь к нормальной жизни, побывав в раю?

Те дни были насыщены глубокими переживаниями – радостью и страхом, одиночеством и страданием, Небесной любовью и ненавистью милиции. Ещё совсем недавно я была самым обычным подростком, мирно жила со своей семьёй – и вдруг всё изменилось. Я повзрослела за одну ночь.

Марко потребовалось несколько дней, чтобы застать меня дома. Он приехал на маленьком мопеде, но не осмеливался войти в дом дяди и ходил перед ним взад-вперёд. Когда я открыла дверь и позвала его внутрь, он удивлённо взглянул на меня и облегчённо выдохнул:

– Ох, слава Богу!

– Почему? – спросила я.

– Ты нормальная!

– По крайней мере по сравнению с тобой. А чего ты ожидал?

– Я не знал, какая ты сейчас. Боялся приезжать. Думал, ты будешь вся такая мрачная и волосы дыбом, как наэлектризованные, или что-то такое. А ты всё такая же.

Я улыбнулась:

– Что ж, спасибо.

Возможно, будь я младше, изменения во мне были бы заметнее, но даже тогда они вряд ли бы соответствовали ожиданиям Марко. Когда я лучше узнала остальных визионеров и увидела, как сильно мы друг от друга отличаемся, я поняла, что Богородице мы нужны именно такими, какие есть, со всеми нашими достоинствами и недостатками.

Узнавая о Лурде, Фатиме и других местах явлений, я отмечала, что Богородица чаще всего приходила к молодым. Я спрашивала себя, почему? Может, из-за того, что молодые не связаны планами и обязательствами? Или детские сердца чище, чем взрослые? Думаю, будь я постарше, то понимала бы всё быстрее. С другой стороны, Её послания не требуют длинных пояснений или теологических обоснований. Она обращается ко всем и говорит простыми словами.

Вечером 28 июня отец Йозо снова задавал мне вопросы. В тот день мне показалось, что он обеспокоен тем, как мало я знаю о католической вере.

– Скажи мне, Мирьяна, будешь ли теперь больше читать Библию?

– Я этого хотела бы.

– Я знаю, что хотела бы, но будешь ли ты?

– Ну... – заколебалась я.

– У тебя вообще есть Библия?

Я опустила глаза:

– Нет. Но есть у моей крёстной в Сараево. Иногда я у неё бываю и читаю.

Было видно, что отец Йозо забеспокоился. Перед ним стоит девушка, утверждающая, что к ней приходит Матерь Божья, а у неё даже Евангелия дома нет! В нашей квартире была только детская Библия с картинками.

– Ощущаешь ли ты потребность чему-нибудь сейчас научиться? Например, тому, как молиться Богородице? – спросил он.

– Да, я хотела бы научиться, – ответила я, совершенно не кривя душой. Я уже попросила прихожан написать мне несколько молитв и хотела их выучить. Явления Богородицы вдохновили меня принять веру всем сердцем.

– Знаешь, люди говорят, что не видят того, что видите вы.

– Я не могу им помочь, – ответила я, вспомнив про отца Пейрамалю и Бернадетту. Мне хотелось спросить отца Йозо, почему он сам до сих пор не пришёл на гору и лично во всём не убедился, но я слишком уважала его священнический сан, чтобы позволить себе такой вопрос.

– Некоторые уже сомневаются. Те, кто постарше, говорят, что ваши явления бессмысленны. Люди разочарованы.

Я молчала, не зная, что на это ответить.

– Но не могут же видеть все!

– А почему они не могут видеть? У тебя есть какое-нибудь объяснение этому? Какая-нибудь гипотеза?

– Если бы видели все, тогда каждый смог бы убедиться, что Бог есть. Тогда бы поверили все. Не могу это объяснить... А нужно верить, даже если не видишь.

И многие уверовали, даже не видя, и глухое Меджугорье мгновенно превратилось в место паломничества. С раннехристианских времён верующие отправлялись на Святую Землю, в Рим и святые места, посвящённые Марии. К ним относится и Базилика Девы Марии в испанской Сарагосе, где, по преданию, состоялось первое явление Богородицы св. Иакову. Также в Испании люди ходили по известной со средневековых времён тропе под названием Камино-де-Сантьяго, или Путь св. Иакова, чтобы укрепить свою веру и поклониться святому покровителю паломников. Интересно, что хорватское слово «паломничество» имеет в основе глагол «ходить».

В основном паломники добирались до Меджугорья на машине или на автобусе, но на подъезде к селу их чаще всего останавливала милиция и превращала в пешеходов. С увеличением притока приезжих послания Богородицы становились всё более понятными для местных жителей. Мне было очень радостно видеть плоды явлений у близких мне людей. Моя тётя, дядя и кузины усугубили молитву, и даже бабушка добавила ещё одну тайну Розария к своему ежедневному молитвенному правилу. А Марко, как истинный паломник, в честь Девы Марии регулярно проходил тридцать километров от Мостара до Меджугорья.

Гора Подбрдо, возвышающаяся над Бьяковичами.
Позже её станут называть Горой явлений

7

*Для тех, кто будет жить по слову Моего Сына
и будет любить, смерть станет жизнью.*

Из послания Богородицы от 2 августа 2015 года

На праздник свв. Петра и Павла, 29 июня, нас в очередной раз вызвали на допрос в Чит-лук. Один из милиционеров сердито взглянул на меня. «А где тот маленький говнюк?» – спросил он, подразумевая Якова. Зная, насколько ужасно могут вести себя сотрудники милиции, мы были счастливы, что на этот раз Якова с нами не было. Враждебное отношение к ребёнку его возраста просто не укладывалось в голове. Эти люди из органов были настоящими мастерами грязной ругани. Казалось, они с удовольствием соревнуются друг с другом, кто из них самый грубый.

– Якову всего десять лет, – сказала я. – Оставьте его в покое. Он слишком мал.

– Ах ты, лживая сучка! – завёлся милиционер. – Не так он и мал, если может взлететь на гору за две минуты.

Я закрыла глаза и стала молиться, чтобы Бог даровал ему мир. Допрос длился несколько часов. В конце концов, так и не выдавив из нас нужное признание, нас запихнули в маленький автомобиль скорой помощи и повезли на осмотр к местному педиатру, доктору Даринке Гламузиной.

Это была самоуверенная и интеллигентная женщина с короткими чёрными волосами, которая дала нам понять, что она неверующая. У неё не было сомнений в том, что должно быть какое-то логическое объяснение нашим утверждениям. Она забрасывала нас вопросами с такой скоростью, что мы едва успевали отвечать: «Что вы видели? Где это происходило? Как вы себя чувствовали? Подвергались ли вы когда-нибудь гипнозу?» Последний вопрос казался нам особенно странным, но мы тем не менее отвечали терпеливо и честно. В конце осмотра доктор Гламузина сказала: «Мой коллега и я приедем сегодня в Бьяковичи и понаблюдаем за вами».

«Понаблюдаем? – подумала я. – Она что, приняла нас за диких животных?»

С первого явления прошло шесть дней, и уже с середины дня Меджугорье наполнялось тысячами паломников, в том числе из отдалённых городов, таких как Сараево и Загреб. После смерти годом ранее председателя компартии Тито власти, опасаясь потерять контроль над ситуацией, прибегли к своему любимому оружию – запугиванию.

Милиционеры снова затолкали нас в машину скорой помощи. Сесть было негде, и нам пришлось сбиться в кучу. Каждая неровность на дороге причиняла боль. Через час мы наконец приехали в больницу в Мостар. «Привыкайте к этому месту, – сказал нам водитель. – Оно может стать вашим новым домом, когда вас признают сумасшедшими».

Сначала нас отвели в тёмную комнату без окон и заперли за нами дверь. Воздух там был влажным, холодным и затхлым. В темноте я рассмотрела стол и лежащего на нём человека. Когда мои глаза привыкли к темноте, я поняла, что это труп. Окинув комнату взглядом, я увидела и другие тела. «Это морг», – прошептала я. Мы были в ужасе. Как они могут так поступать с детьми?

Через некоторое время нас наконец выпустили из морга и повели на осмотр к врачу. Его вопросы были похожи на те, что задавала доктор Гламузина, но отношение к нам было заметно холоднее. «Знаете, – сказал он, – для сумасшедших у нас есть только одно место». Соврав, что оставляет нас в холле, он запер нас в отделении для психически больных людей. Они бесцельно ходили по коридору, кричали и издавали странные звуки. Один из пациентов подошёл к нам.

«Я солдат», – заявил он и начал ходить по палате, чеканя шаг. Испугавшись, мы прижались друг к другу. Нас что, оставят тут навсегда? К счастью, пришла медсестра.

– Вам здесь не место, – сказала она и повела по тускло освещённому коридору до кабинета, в котором находились другие медсёстры.

– Расскажите нам о явлениях Богородицы, – попросила она. – Все только об этом и говорят.

Мы рассказали о том, что видели, и ответили на их многочисленные вопросы. В конце разговора некоторые сёстры даже начали плакать. Меня приятно удивила их реакция и интерес. После этого мы попали на осмотр к доктору Мулии Джудже, руководителю психиатрического отделения мостарской больницы. Позже мы узнали, что она всех нас признала здоровыми и уравновешенными. «Сумасшедшими надо признать тех, кто этих детей сюда привёз!» – сказала она. Больше всего в той ситуации меня тронуло, что доктор Джуджа была мусульманкой. Я убедилась, что никогда не нужно бояться говорить о Богородице с кем бы то ни было.

В тот день милиция нас отпустила, но пребывание в морге и отделении для душевнобольных нанесло мне психологическую травму. В голове снова и снова возникали тревожные картины: труп на столе из нержавеющей стали, неменяемый «солдат», вышагивающий вокруг нас, пациенты с бессвязной речью и движениями. При этом я знала: если мне придётся выбирать между заключением в психиатрической лечебнице и отрицанием того, что я видела Богородицу, я без разговоров выберу первое. Ничто не заставило бы меня отречься: ни тюрьма, ни даже смерть.

В тот вечер, ещё не успев отойти от дневных переживаний, мы собрались на явление. Как только Богородица появилась, мы все заплакали. Её безмерная любовь высвободила наши чувства. Все мои страхи и тревоги исчезли, когда Мария показала серию наиболее ярких сцен из Её земной жизни. Это было похоже на фильм. Условия, в которых жила Мария, противоречили романтизированным образам Её жизни, которые мы привыкли видеть в религиозном искусстве. С детских лет Она жила скромно и смиренно. Её жизнь была тяжёлой, но в её простоте была особая красота. Я увидела наиважнейшие моменты Её жития, когда Ей явился ангел и родился Иисус. Мне стало понятно, что и Мария тоже когда-то перенесла много настоящей боли и радости, как и каждый из нас, но с одним коренным отличием: Она стала Матерью Бога.

Кто-то из нас поделился с Богородицей тревогой из-за произошедшего с нами в тот день:

– Сможем ли мы всё это выдержать?

– Сможете, дети Мои, – очень по-матерински сказала Она. – Не бойтесь.

Небесная синева за спиной Богородицы побледнела, и над Её правым плечом появился образ какого-то окровавленного и измученного человека с карими глазами, длинными волосами и бородой. Я видела только плечи и голову, и мне показалось, что его лицо искажено мучительным страданием. В отличие от Марии, которая всегда являлась нам в привычном человеческом облике, этот мужчина больше походил на скульптурный бюст. Я поняла, Кто это, только когда увидела на Его голове терновый венец.

– Посмотрите на Того, Кто отдал за веру всё, – сказала Она. – То малое, что делаете вы, не будет для вас непосильным.

И образ растворился в синеве за спиной Богородицы. Я была благодарна за то, что хотя бы на мгновение увидела Иисуса, и мне было стыдно за мысли о чрезмерности моего страдания. Этот опыт научил меня никогда не придавать себе слишком большого значения и не считать себя жертвой.

Доктор Гламузина – та скептически настроенная педиатр, что осматривала нас утром, приехала лично посмотреть на явление – вернее, понаблюдать за нами во время явления. Очевидцы рассказали, что, когда она увидела наши лица, её скептицизм сменился крайним удивлением. Она попросила Вицку задать несколько вопросов Богородице, и Вицка согласилась.

– Спроси Её, кто Она, – попросила доктор Гламузина.

Вицка передала этот вопрос, и Богородица ответила:

– Я Царица мира.

– Как у нас может быть мир, когда существует столько религий? – продолжила врач.

Вицка передала вопрос, и Мария ответила:

– Существует только одна вера и один Бог.

Доктор Гламузина спросила, почему Богородица из всех возможных мест выбрала для явления Бьяковичи.

– Я пришла сюда, потому что здесь люди молятся и имеют твёрдую веру.

Тогда врач спросила, может ли она потрогать наше видение, и мы спросили об этом Марию.

– Может, – разрешила Богоматерь.

Мы поставили её перед Богородицей, и она дотронулась до Неё, но затем Пресвятая Мария вдруг отдалилась и исчезла. Доктор Гламузина тут же повернулась к нам и грустно спросила:

– Она ведь ушла, да?

– Да, – подтвердила Вицка. – Ушла.

– А что-нибудь сказала?

– Сказала: «На свете всегда были сомневающиеся иуды», и ушла.

Доктор очень опечалилась и спускалась с горы с встревоженным выражением лица. Впоследствии она рассказывала, что поверила нам, вернулась к своим католическим корням и даже начала петь в церковном хоре. «Когда я попробовала дотронуться до Богородицы, – говорила она, вспоминая тот вечер, – то ощутила нечто невероятное. Я как будто знала, что Она уходит и в каком направлении. Позже мне это подтвердили и визионеры. Поначалу, когда они передали мне Её слова о сомнеющихся иудах, я обиделась, но затем меня пронзило ясное и наполненное миром осознание: эти дети на самом деле видят Богородицу! А сама я и вправду была как Иуда: я хотела их изобличить, не поверила им. После происшедшего мне стало стыдно, и я ощутила своё ничтожество перед величием Богородицы, Которая видела меня насквозь и – как хорошая мать – наставила меня на верный путь».

То явление стало незабываемым ещё по одной причине: среди паломников был мужчина, который привёл с собой на гору трёхлетнего сына с тяжёлой инвалидностью. Мальчик по имени Даниэл Шетка с рождения был парализован и не мог говорить. Его родители приехали в Меджугорье в надежде получить исцеление.

– Богородица, – просили мы, – заговорит ли когда-нибудь этот мальчик? Исцели его, чтобы нам поверили.

Мария посмотрела на Даниэла и долго не сводила с него взгляда, полного сочувствия и любви. Наконец Она сказала:

– Пусть твёрдо верят, что он исцелится.

Наверное, мы были несколько огорчены, не увидев мгновенного изменения в состоянии Даниэла, но позднее его родители снова пришли на гору, чтобы возблагодарить Бога. В тот вечер Даниэл начал ходить и разговаривать.

На следующее утро отец Йозо снова захотел со мной говорить. Казалось, он разочарован тем, что явления продолжаются уже семь дней, а Богородица не особенно разговорчива. В прошлом Она передавала глубокие послания и давала пророчества о судьбах мира. Как это может быть Богородица, если Ей и сказать-то нечего?

– Народ начинает вас презирать и отекаться, – сказал он мне, – потому что вы ничего не даёте людям, никакого знака. А они всё приходят и приходят, и их всё больше и больше. И что будет дальше?

Я молчала, потому что у меня не было ответа на этот вопрос. Мы продолжали ежедневно просить у Богородицы знак, но Она ещё ни разу не ответила на наши мольбы. Отец Йозо продолжал:

– Как вы оправдаетесь перед людьми? Бог страшно наказывает тех, кто соблазняет народ, понимаешь? Тебе ведь это известно?

Я кивнула, хотя мне было очень горько, что он подозревает нас в чём-то настолько плохом, что заслуживает Божьего наказания. По его мнению, недостойное поведение некоторых людей в толпе – например ругань и толчки – тоже свидетельствовало против того, что речь идёт о явлениях Богородицы.

– Люди, которые соблазняли других или искажали послания, несли самые тяжёлые наказания. В Израиле и в ранней Церкви их даже исключали из общины. Бог страшно на них гневался. Ты ничего такого не боишься?

– Я – нет, – отвечала я.

– Что, если всех вас шестерых Бог завтра накажет?

– Думаю, что не накажет.

– Как это ты так думаешь?

Я посмотрела ему в глаза:

– Потому что мы не врём!

Отец Йозо замолчал, и постепенно выражение его лица смягчилось.

– А почему Богородица является одним людям, а другим – нет? – спросил он, на этот раз без обвинения в голосе. – Как ты считаешь, ты должна чем-то отличаться от тех, кто Её не видит?

– Да, – ответила я. – Я должна быть лучше, ещё сильнее верить, быть им примером.

Он посмотрел мне в глаза:

– А ты истинно веруешь?

– Да, верую.

Отец Йозо кивнул головой:

– На что тебя подвигает твоя вера?

– Я просто хочу делать добрые дела.

– А в чём могли бы заключаться эти добрые дела?

– Помогать всем, кому могу, и призывать их чуть больше молиться.

– Тебе не жалко народ, который не видит Марию, тогда как ты видишь?

– Очень жалко! Я бы хотела, чтобы Её видели все. Я замечаю, как тяжело людям подниматься в гору. Некоторые даже босиком идут и по шесть часов там проводят. Как бы было прекрасно, если бы Она показалась и им!

Наш разговор переключился на место явлений. Отца Йозо очень беспокоило, что великое множество людей идёт на гору, которую паломники стали называть Горой явлений, вместо того чтобы молиться в церкви Св. Иакова. Ничуть не меньше его волновало всё возрастающее количество милиции. Власти запрещали такие многолюдные сборища, но паломников становилось всё больше. Отец Йозо хотел, чтобы мы пришли во время явления в церковь и позвали туда верующих. Это было бы безопасно и удобно, ведь сейчас мы были вынуждены ежевечерне пробираться через толпу людей, милицию и подниматься на гору по невыносимой жаре. Но будет ли Богородица являться нам в другом месте?

Женская часть нашей группы.
Слева направо: Мария, Иванка, я и Вицка

8

*Бедные Мои дети, оглянитесь вокруг, обратите
внимание на знаки времени...*

*Из глубины сердец воззовите к Моему Сыну.
Его имя рассеивает самую густую тьму.*

Из послания Богородицы от 2 мая 2009 года

Вскоре после моего разговора с отцом Йозо к нам – ко мне и ещё нескольким визионерам – подошли две женщины, Мица и Любица. Они представились социальными работниками. Любицу я до этого никогда не видела, но узнала Мицу. Она жила в Бьяковичах, у самого подножья горы, и присутствовала по крайней мере на одном явлении.

– Сегодня за вами приедет тайная милиция, – встревоженно выпалила Мица.

– Они получили приказ из Белграда, – вторила ей Любица.

Мы ответили, что закроемся в своих комнатах и никуда не будем выходить, но в ответ они только покачали головами.

– Вы всерьёз надеетесь скрыться от тайной милиции у себя в комнате? – воскликнула Любица.

– Что скажете, если мы все куда-нибудь уедем? – предложила Мица.

– Можем поехать в Чаплину и поесть мороженого, – продолжила её мысль Любица.

Такая перспектива необычайно воодушевила Якова. Вицка знала Мицу и доверяла ей, да и я не испытывала опасений на её счёт, а вот относительно Любицы у меня были сомнения. С другой стороны, от одной мысли, что за нами едет тайная милиция, по коже бежали мурашки. В структуре югославской власти это подразделение выполняло функцию гестапо и было известно пытками, избиениями и даже казнями. Количество паломников на горе росло в геометрической прогрессии, поэтому вероятность скорого вмешательства этого органа казалась вполне реальной. Быстро обсудив этот вопрос, мы впятером втиснулись на заднее сидение Мициной машины. Ивана в тот день с нами не было.

Не успели мы выехать из Бьяковичей, как нас остановил начальник милиции Здравко. Мица остановила машину, и он подошёл к водителскому окну. Увидев на заднем сиденье нас, он очень удивился.

– Мица, что здесь происходит?

– Мы торопимся, – ответила она.

Здравко говорил хоть и тихо, но очень серьёзно:

– Мица, я должен кое о чём у вас спросить.

Люди продолжали стекаться к селу. Некоторые замечали нас и останавливались.

– Если мы продолжим здесь стоять, образуется пробка, – заметила Мица.

– Подождите минутку.

– Мы не можем ждать.

Вокруг автомобиля начала собираться толпа. Здравко повернулся к людям, затем снова к нам.

– Хорошо, – сказал он, сел в свою машину и поехал за нами.

Вскоре мы упёрлись в милицейский автомобиль, который стоял поперёк дороги, преграждая путь и тем, кто направлялся в село, и тем, кто, подобно нам, хотел из него выехать. Около автомобиля дежурило несколько милиционеров. Они недоуменно смотрели на нас, не понимая, что им делать.

– Уберите машину! – крикнула Мица в окно. – Мы торопимся!

Нас очень удивила её самоуверенность. Милиционеры сдвинулись с места, только когда увидели Здравко, который как раз подъехал и остановился позади нас. Решив, что он едет с нами, они быстро переставили автомобиль. Мы помахали рукой сбитым с толку сотрудникам, проехали мимо них, а затем Мица резко прибавила газу, чтобы оторваться от Здравко. Скоро мы уже мчались по дороге с открытыми окнами, улыбаясь и радуясь ветру, развевающему наши волосы.

Первой остановкой на нашем пути стал Почитель – поселение с древней мечетью и полуразрушенной средневековой крепостью. Мы лазили по каменным стенам, осматривали руины и уже успели забыть обо всех своих тревогах. Я любовалась изумрудными водами реки Неретвы, протекающей в долине под Почителем. Она напомнила мне о паломниках, которые стекались сейчас в Меджугорье. Мне подумалось, что ни мощную Неретву, ни их уже ничто не могло остановить.

Из Почителя мы поехали в близлежащую Чаплину – довольно большой современный город. Мица и Любица привели нас в кафе. Я уже бывала в кафе в Сараево, но для остальных это было впервые.

– А у них есть сок в бутылках? – спросил Яков.

– Конечно есть, – улыбнулась Мица, и мы все засмеялись.

Мица и Любица заказали для нас пирожные, мороженое и, конечно, сок в бутылках. Мы спокойно сидели и разговаривали, пока к нам не подошёл молодой человек.

– Вы из Меджугорья? – спросил он.

– А где это Меджугорье? – парировала Мица.

Молодой человек посмотрел на Якова:

– Просто я некоторых из вас узнаю. Разве вы не из тех, кто видит Богородицу? Я вчера сам был там на горе.

– Мы тебя не узнаём, – ответила Любица.

Молодой человек посмотрел на меня и перевёл взгляд мне на руку:

– Где твои часы? Разве не помнишь, как я просил у тебя их посмотреть?

– Может, и просил, – ответила я.

В те дни очень многие просили у меня посмотреть часы, но как только информация о том, что часовой механизм стал ходить в обратном направлении, дошла до милиции, они забрали у меня часы и больше не вернули. Позже я узнала, что их отдали часовщику, который провёл осмотр и сказал, что невозможно, чтобы часы ходили назад, да ещё и продолжали при этом работать.

Остальные посетители кафе услышали молодого человека, и очень скоро все взгляды были прикованы к нам. Одна пожилая женщина подошла и спросила:

– Вы и сегодня будете на горе?

Мы привлекли к себе столько внимания, что нам пришлось уйти. Тогда я поняла, что моя частная жизнь осталась в прошлом. Даже люди, не жившие в Меджугорье, смотрели на меня так, словно я святая, хотя я оставалась той же самой девушкой.

Выйдя из кафе, мы увидели на территории детского сада качели и спросили Любицу, можно ли нам покачаться. Любица нехотя согласилась, и мы стали по очереди садиться на сиденье. Иванка взлетала выше всех, а её радостная улыбка резко контрастировала с чёрной траурной одеждой.

Следующим нашим пунктом стали красивейшие водопады Кравице на реке Требижат. По пути туда мы забеспокоились, успеем ли вернуться в Меджугорье на явление, которое случалось каждый день около 18.40. Мица и Любица заверили нас, что для волнения нет никакого повода. Приехав на Кравице, мы настолько углубились в созерцание воды, пышной растительности и дымки в воздухе, что совершенно забыли про время. А у меня к тому же не было часов.

И только когда солнце зашло за деревья, а на долину опустилась тень, мы поняли, что уже достаточно поздно, и стали умолять Мицу и Любицу отвезти нас назад в Меджугорье. В конце концов они согласились, но ехали мы теперь гораздо медленнее, чем раньше. Мы уже начали сомневаться, что Мица и Любица действительно занимались нашим спасением.

Когда мы уже приближались к Меджугорью и вдали показалась Гора явлений, усыпанная паломниками, меня охватило чувство вины. Мы должны сейчас быть там, среди них, но вовремя нам к горе не добраться! Я уже была готова заплакать, как вдруг меня захлестнуло острое ощущение – предвкушение, которое всегда приходило ко мне перед самым явлением.

– Останови! – скомандовала я.

– Где? – спросила Мица.

– В любом месте!

Мица остановила машину у поворота на грунтовую дорогу. Мы выскочили и встали на колени на заброшенном пустыре, покрытом камнями и колючими кустарниками. Было невероятно приятно ощущать спокойствие этого безлюдного места после уже привычной нам толпы. Мица и Любица стояли у машины и смотрели, как мы молимся.

– Спросите Деву Марию, что Она мне сделает за то, что я вас выкрала, – пошутила Любица.

Мица улыбнулась, но вдруг что-то на Горе явлений привлекло её внимание.

– Видите? – возбуждённо спросила она.

– Боже мой, – выдохнула, испугавшись, Любица. – Что это?

– Как будто дымка! – ответила Мица и перекрестилась.

– Или свет, – сказала Любица.

Я посмотрела на гору и увидела над ней облако света.

– Это Она, – сказала Вицка.

Меня охватила грусть – Богородица и тысячи верующих ждут нас на горе, а мы застряли на какой-то обочине. Как мы могли такое допустить? Облако света поплыло в нашем направлении, и вскоре мы рассмотрели в нём Божью Матерь.

– Вот Она! – радостно воскликнула Иванка.

Приблизившись к нам, Мария встретила нас Своим обычным приветствием: «Слава Иисусу!» Я же вспомнила разговор с отцом Йозо и поняла, что это ответ на мой вопрос, может ли Она являться где-то помимо горы. Как и всегда, исходившие от Неё свет и красота на какое-то время лишили меня дара речи. Мне очень хотелось убедиться, что Она не разочарована в нас.

– Ты сердисься, что нас не было на горе? – спросила я.

– Это неважно, – ответила Она.

– А Ты рассердилась бы, если бы мы не вернулись на гору, а ждали бы Тебя в церкви?

Она улыбнулась – добро, по-матерински:

– Всегда в это самое время.

Мы спросили Её, оставит ли Она знак для всех, но, как обычно, Мария не ответила. Медленно отдаляясь от нас, Она ещё раз осветила Своим светом всех собравшихся на горе, и мы услышали, как Она сказала: «Идите в мире Божьем!» – а затем облако света исчезло.

По возвращении в Меджугорье отец Йозо попросил всех нас, включая Мицу и Любицу, прийти в приходской дом и всё ему рассказать. Узнав, что сегодня нас не было на горе вместе со всеми, он заволновался, что паломники почувствуют себя обманутыми, но тут же воодушевился, узнав о согласии Богородицы являться нам в церкви. Ему также было интересно услышать о впечатлениях Мицы и Любицы.

– Что ты видела? – спросил он Любицу.

– Видела, как что-то движется.

– Как будто какая-то дымка, – прибавила Мица.

– Или что-то похожее на тень или дуновение ветра, – уточнила Любица.

Пусть эти женщины и не видели Богородицу, но что-то они видели, и сейчас им было очевидно сложно облечь свои ощущения в слова. Я очень хорошо понимала их трудности.

– Мица, тебе было страшно? – спросил отец Йозо.

– Нисколько, – ответила она. – Меня немного трясло, но больше от возбуждения, чем от страха.

– А мне было страшно, – призналась Любица. – У меня мурашки по коже бегали, и даже пришлось схватить Мицу за руку. – Мица согласно кивнула. – И меня трясло всё сильнее. Я не боялась, просто сама мысль о том, что передо мной находится Пресвятая Дева Мария, не могла оставить меня равнодушной.

Позже мы узнали, что Мица и Любица выполняли задание властей вывезти нас в тот день из Меджугорья. Кто-то из местных очень рассердился на них за это, но я знала, что эти женщины просто выполняли свою работу – отказать режиму не мог никто. Однако происшедшее в тот день ощутимо повлияло на Любицу. Возвратившись в Сараево, она сказала начальству, что больше не желает в этом участвовать.

Во время явления.
Слева направо: Вицка, Яков, я, Иванка, Мария и Иван

9

И будете ненавидимы всеми за имя Моё; претерпевший же до конца спасётся.

Мф. 10:22

Новость о явлениях распространилась по всей территории бывшей Югославии – о них говорили по телевизору, по радио, писали в газетах. Общим для всех этих сообщений был скептицизм, если не прямое осуждение. Нас, визионеров, журналисты высмеивали, а тысячи паломников, приезжавших в Меджугорье, называли в лучшем случае религиозными фанатиками.

Государственные СМИ обвиняли нас и местных священников в национализме и поддержке революционных тенденций. В новостях на центральном телеканале всех нас называли «лютыми врагами государства», а газетные заголовки, связанные с Меджугорьем, были похожи на кричащие заметки таблоидов: «Религиозная афера привлекла тысячи фанатиков», «Францисканцев подозревают в организации националистического заговора», «Шесть чабанов придумали явления Богородицы». Представители властей устроили в здании школы встречу с местными жителями, позвав на неё наших родителей и родственников. Им было сказано, что если эти «глупости» не прекратятся, нас исключат из школы и определят в учреждение для душевнобольных, а родители лишатся работы и паспортов. Сосед Вицки по имени Иван был арестован за то, что встал на нашу сторону. Ему пришлось провести в тюрьме два месяца.

Напряжение в посёлке нарастало. Отец Йозо переживал острые душевные муки. Коммунисты пригрозили ему тюрьмой, если он не остановит «демонстрации» у себя в приходе, а он ещё и сам не мог определиться, верит ли, что нам является Богородица. Два его собрата нам поверили, лишь усугубив давление, которое он ощущал. Беспокойства добавляла и позиция вышестоящего мостарского епископа Павла Жанича.

Услышав о происходящем, епископ пригласил нас шестерых на встречу. Более часа он задавал нам вопросы и записывал ответы на кассету, предварительно попросив нас положить руки на крест и поклясться говорить только правду, что мы без малейших колебаний и сделали. После этой встречи он выразил уверенность в том, что нам действительно является Божья Матерь. Отец Йозо попытался призвать отца епископа к осмотрительности, но в конце встречи епископ Жанич сказал: «Совершенно точно, что детей никто, включая людей из церкви, не подговаривал говорить неправду».

Настал день, когда отец Йозо совершенно лишился покоя и захотел побыть один. Он запер двери церкви Св. Иакова, сел на скамью и стал просить Бога, чтобы Он провёл его через самое тяжёлое испытание на его священническом пути. Затем отец Йозо открыл Библию, и взгляд его остановился на стихе с описанием чуда, которое Бог совершил через Моисея, когда перед ним расступилось Красное море.

А мы с визионерами в тот день встретились у подножья горы, чтобы помолиться. Власти уже выставили оцепление, чтобы никто не мог подойти к месту, которое они воспринимали как угрозу. Увидев нашу группу, милиционеры погнались за нами, угрожая дубинками, и мы бросились бежать через поле.

Отец Йозо тем временем молился в церкви: «Боже, Ты знаешь, как я Тебя люблю. Ты говорил с Моисеем, но ему было легко – его народ знал, что Ты ведёшь его. Здесь же никто ничего не знает». В этот момент он услышал в сердце голос: «Выйди и защити детей». Удивившись, он вскочил и поспешил к дверям. Отворив их, он увидел перед церковью нас.

– Там милиция! – тяжело дыша, крикнула Вицка. – Они нас сейчас догонят!

Отец Йозо раскинул руки, словно желая обнять нас:

– Мои дорогие ангелы, заходите внутрь.

Такое обращение было настолько непривычным, что я заподозрила сарказм. Однако он действительно провёл нас внутрь, и я поняла, что расположение отца Йозо было искренним. В тот вечер Богородица явилась нам в маленькой комнате у алтаря напротив ризницы. Последующие явления тоже случились там, и отец Йозо больше ни разу не усомнился в нашей честности. Его поддержка стала некоторым утешением, но ничто не могло избавить нас от страха и тревоги, что приближается день последнего, как мы думали, явления Богоматери. Как мы будем дальше жить без Неё?

И вот тот день настал. Во время явления нас переполняли эмоции. Количество паломников было рекордным – по некоторым оценкам, речь шла о десятках тысяч людей. В воздухе витало томительное ожидание чуда, которым, по мнению людей, должно было сопровождаться то явление. Но ничего необычного не произошло, и никаких посланий для мира Богородица не передала. Мы в который раз спросили, оставит ли Она знак, но в ответ Мария только улыбнулась. После Её ухода мы обратились к людям. Многие из них были разочарованы тем, что явления не закончились ничем примечательным. Я и сама была сбита с толку ещё больше, чем они. В сердце не было ощущения завершённости.

На следующий день мы попытались вернуться к привычным делам. Я была в доме дяди, когда вдруг ощутила знакомое предвкушение, которое очень быстро переросло в возбуждение. Мне казалось – если Богородица не придёт в ту же секунду, я взорвусь. И, словно внезапный порыв ветра, Она появилась передо мной. Я в восхищении упала на колени, испытывая только одно желание – смотреть на Неё. После Её ухода я сильно плакала. Оказалось, что и к остальным визионерам Она тоже приходила, и тогда мы поняли, что Меджугорье не будет в точности повторять Лурд. Богородица продолжила являться нам каждый день.

Тем временем преследования со стороны государства вышли на новый опасный уровень – югославские власти объявили в Меджугорье чрезвычайное положение. Эхо явлений докатилось до самого Белграда, столицы Югославии. Коммунистов возмущала наша готовность сопротивляться их требованиям, они боялись потерять контроль над ситуацией, поэтому захотели решить проблему кардинально. Несколько дней в село входили войска. Вооружённые автоматами солдаты с рычащими немецкими овчарками оцепили гору и наши дома. По улицам ездили патрули. Над паломниками, пытающимися молиться, летали вертолёты. Казалось, мы, сами того не желая, разворошили осиное гнездо.

Допросы – теперь уже федеральной, а не местной милиции – становились всё длиннее и напряжённее. В течение одного из них следователь особенно грязно ругался и в конце концов вышел из себя, потому что я отказывалась отречься от факта явлений.

– Признавайся! – орал он.

– В чём мне признаваться? – спокойно отвечала я.

Лицо у него стало багрово-фиолетовым, а вены на шее вздулись.

– Признавайся, что не видишь Богородицу!

– Но я вижу...

Тогда он достал из кобуры пистолет и положил его на стол между нами.

– Говори правду, – закричал он, не сводя взгляд с пистолета. – Ничего ты не видела!

«Помоги мне, Богородица», – взмолилась я про себя. Несмотря на то, что на столе лежало смертоносное оружие, я ощущала удивительный мир. Я видела Богородицу и переживала во время явлений рай – после этого бояться чего-либо было совершенно невозможно.

– Даю тебе последний шанс, – снова заорал милиционер. – Скажи мне правду!

Я посмотрела ему прямо в глаза:

– Правда в том, что я вижу Богородицу и готова за Неё умереть.

Он ударил кулаком по столу, вернул пистолет в кобуру и вылетел из комнаты.

Будь мы совершеннолетними, коммунисты совершенно точно заперли бы нас в самой далёкой, глубокой и тёмной камере, какую только смогли бы отыскать, или мы бы просто исчезли, как когда-то исчез мой дед. Но при всей своей суровости власти понимали, что столкнутся с открытым осуждением общества, если решат посадить детей. Юный возраст послужил нам частичной защитой, но ничто не мешало им продолжать нас запугивать.

На фоне всех этих устрашающих событий случались и радости. Каждый новый день обещал удивительное приключение. Иногда за один вечер бывало не одно явление. Милиционеры не оставляли нас в покое и изо всех сил старались нарушить наши планы. Чтобы не сталкиваться с ними, мы постоянно меняли места встреч. Это мог быть и заросший лесистый участок за чьим-то домом, и укромный уголок в заброшенной части поля, и полянка, скрытая кронами деревьев. К нам пришло понимание, что лучше всего, когда явления происходят на лоне природы и под её прикрытием. Свежий воздух и свет звёзд приносили мир, который очень соответствовал духу Божьей Матери. Несколько лет спустя в одном из посланий Она сказала: «Призываю вас бывать на природе, потому что там вы встретите Бога». И в другом: «Прославляйте Бога-Творца в красках природы. Ведь через самый маленький цветок Он говорит вам о той прекрасной и глубокой любви, с которой Он вас сотворил».

Во время одного из таких необычных явлений Богородица пообщалась с местными жителями с непривычно близкого расстояния. 2 августа 1981 года Она явилась нам в обычное время и сказала, чтобы мы ждали Её поздним вечером того же дня. Мои воспоминания этих явлений весьма смутные, но, по словам визионерки Марии, Богородица сказала: «Идите все вместе на гумно. Скоро начнётся большая битва – битва Моего Сына и сатаны. И бьются они за человеческие души».

Вечером мы пошли на место, известное как гумно, недалеко от дома моего дяди. На нашем языке слово «гумно» означает место, где обмолачивается зерно – это большой участок твёрдой утопанной земли в форме круга, куда фермеры запускают скотину, и она ходит по кругу, топчет пшеницу, отделяя зерно от оболочки. В Библии Иоанн Креститель использует это слово, когда красноречиво характеризует миссию Иисуса как жатву: «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Своё и соберёт пшеницу Свою в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым» (Мф. 3:12).

На гумно с нами пошли около сорока человек. Громко стрекотали сверчки, было много комаров. Мы встали на колени на чёрную от перегноя землю, молились и ждали – и вдруг перед нами появилась Она. Кто-то из присутствующих спросил, можно ли дотронуться до Богородицы. Мы передали Ей эту просьбу, и Она сказала, что к Ней могут подойти все.

Мы брали людей за руки и по одному подводили к месту, с которого они могли дотронуться до одеяния Богородицы. Это было очень необычное переживание – нам не верилось, что только мы шестером можем видеть Божью Матерь. Мы водили людей за руки, как слепых. Их реакции – особенно реакции детей – были удивительными: кто-то ощутил нечто похожее на электрический ток, кто-то испытал наплыв эмоций, но равнодушным не остался никто. По мере того, как всё больше людей трогали Её одежды, я заметила, что на них появляются чёрные точки, которые затем соединились в большое угольно-чёрное пятно. При его виде я заплакала.

– Её платье! – закричала Мария, тоже сквозь слёзы.

– Эти пятна – неисповеданные грехи, – объяснила Богородица и тотчас исчезла.

Ещё некоторое время мы молились, а затем прямо там, в темноте, рассказали собравшимся, что видели. Они были совершенно подавлены, как и мы. Кто-то предложил всем пойти на исповедь, и на следующий день священники столкнулись с наплывом прихожан, желающих покаяться от всего сердца. Мой маленький кузен Владо был в числе тех, кто дотронулся до платья Богородицы. Когда я напомнила ему о тех чёрных пятнах, он воскликнул:

– Но, Мирьяна, я вымыл руки! Они были чистые! Правда!

Даже сейчас, когда мы с ним видимся, я улыбаюсь и спрашиваю:

– Владо, давно ли ты мыл руки?

Во время тех ежедневных явлений Богородица обращала наше внимание на важность молитвы, поста, исповеди, чтения Библии и посещения Святой Мессы. Со временем эти темы стали выделять как «главные послания Богородицы» или, как назвал их отец Йозо, «пять камней», отсылая к притче о Давиде и Голиафе. Она не призывала нас к посту или молитве как таковым. Плод живой веры, говорила Она, есть любовь. В одном из своих посланий Мария сказала вот что: «Прихожу к вам как Матерь, которая превыше всего любит Своих детей. Дети Мои, Я хочу научить вас любви».

Небесная красота Марии покорила всех нас с самого начала. Однажды во время явления мы задали Ей детский вопрос:

– Как можно быть такой красивой?

– Я красивая, потому что люблю. Если и вы хотите быть красивыми, любите, – сказала Она с доброй улыбкой.

После того явления Яков, которому было всего десять лет, посмотрел на нас и сказал:

– Мне кажется, это неправда.

– Как ты можешь говорить, что Божья Матерь сказала неправду? – упрекнула его я.

– Так посмотрите на нас! – ответил он. – Некоторые могут хоть всю жизнь любить, но такими красивыми им всё равно не стать!

Мы все засмеялись. Яков не понял, о какой красоте говорила Мария. Её красота вечна и исходит изнутри, и для каждого из нас Она желает именно такой красоты. Если ты внутренне чист и преисполнен любви, то будешь красив и снаружи.

Несмотря на подобные забавные моменты, нам становилось всё яснее, что Её явления чрезвычайно важны. В ходе ежедневных встреч с Богородицей мы поняли, что Её планы не ограничиваются Меджугорьем и даже всей Югославией. Она пришла изменить мир. Она открыла нам, что Божий план будет реализован через определённые грядущие события. Мария начала нам рассказывать о них, но наказала держать всё в тайне почти до самого их наступления.

Паломники и местные жители,
пришедшие на исповедь к церкви Св. Иакова

10

*Я показываю вам, как простить себя и других и с искренним покаянием
преклонить колени перед Отцом.*

Из послания Богородицы от 2 января 2010 года

Несколько лет назад в дверь моего дома позвонил человек. Его лицо показалось мне знакомым, но точно сказать, кто он, я не смогла. Он прятал глаза и чувствовалось, что ему трудно говорить.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила я его.

– Прошу тебя, прости меня.

– За что?

– Я милиционер, допрашивавший тебя в далёком 1981 году. Я очень сожалею о том, через что тебе пришлось пройти из-за нас.

Ко мне уже не в первый раз приходили с подобными извинениями, но мне никогда не удалось вспомнить конкретных случаев, за которые эти люди себя винили. Сама я обо всём давно забыла и простила, а за своих преследователей молилась даже во время самых тяжёлых гонений и запугиваний, когда они замахивались на нас дубинками и обзывали Богородицу ужасными словами.

– Всё в порядке, – сказала я ему. – Это было давно.

Мне показалось, что он облегчённо вздохнул.

– Я кое-что тебе принёс, – сказал он и достал кассету. – Все эти годы я хранил запись того допроса. Думал, вдруг ты захочешь переслушать.

Во время каждого допроса на столе стоял магнитофон. Я вспомнила специфический щелчок, который слышала каждый раз перед его началом. У меня никогда не было ни возможности, ни желания прослушивать те записи, и я опасалась, что даже сейчас на меня нахлынут тяжёлые воспоминания. С другой стороны, мне было любопытно.

– Зайдите, – пригласила я, и мы сели в гостиной.

Он вставил кассету в магнитофон.

– Сначала я думал, что ты врешь, но после допроса мне хотелось пожать тебе руку. Тогда, перед коллегами, я этого сделать не смог, а сейчас очень хочу, и вот почему, – он нажал на кнопку, и из динамика послышались трескучие звуки прошлого.

Ты обманываешь народ. **Следователь.**

Никого я не обманываю. **Я.**

Ты не понимаешь, что говоришь глупости? **Следователь.**

Я говорю правду. Больше я сделать ничего не могу. **Я.**

Было удивительно слышать свой юный голос. Я с трудом могла поверить, что тот, второй голос на записи – такой настойчивый и злой – принадлежит этому доброму человеку, который сейчас сидит передо мной. Воспроизведение продолжалось.

Ещё раз спрашиваю: что ты видела на горе? **Следователь.**

Я видела Богородицу. **Я.**

Дерьмо ты видела! **Следователь.**

Нет. Дерьмо я вижу сейчас. **Я.**

Меня удивила собственная смелость. Насколько всё было бы иначе, случись такой допрос до начала явлений. От страха я бы совершенно точно начала плакать и никогда бы не посмела так перечить следователю, да и вообще кому-то из взрослых. Но с 24 июня 1981 года застенчи-

вость, преследовавшая меня бóльшую часть моего детства, просто испарилась. Мой собеседник остановил воспроизведение и сказал:

– Твоя неустранимость убедила меня, что ты говоришь правду.

Я поблагодарила его за то, что он принёс запись, и повторила, что не держу на него зла.

– Вы просто делали свою работу, – сказала я.

После его ухода я села и постаралась разложить по полочкам воспоминания, которые всплыли после прослушивания записи. Я закрыла глаза, и мои мысли перенеслись в тот период, когда происходил допрос.

В августе 1981 года события в Меджугорье стали развиваться с небывалой быстротой. Село было переполнено милицией, но, как ни удивительно, паломники продолжали приезжать. Ни милиция, ни солдаты не могли остановить верующих. Новость о явлениях разнеслась по всему миру, привлекая людей из самых далёких мест, о которых я до того времени слышала только на уроках в школе.

Многие паломники хотели увидеть визионеров и поэтому нередко приходили к дому тётки и дяди. Сначала я разговаривала со всеми, кто приходил, часами слушала их трагичные истории, плакала вместе с ними и утешала. Но очень скоро я поняла, что людей больше, чем моих сил. Я брала на себя их боль, начала терять сон и зачастую чувствовала себя опустошённой и больной. Тревожась за моё здоровье, дядя Шимун старался меня защищать и, когда приходили паломники, выходил на порог сам.

– Дома ли визионерка? – спрашивали они. – Мы бы хотели её увидеть.

Мой дядя всегда старался говорить с ними максимально любезно:

– Мне жаль, но Мирьяна очень устала.

Ещё с большей любезностью он захлопывал дверь перед чрезмерно настойчивыми верующими. Если ему начинали рассказывать о тяжёлых обстоятельствах, он звал на помощь тётку Славу. Она тоже видела, как нелегко мне выносить повышенное внимание, и старалась охранять мою частную жизнь, особенно если люди хотели видеть меня из простого любопытства. Она просила меня выйти, только если кто-то действительно нуждался в помощи, но и в этих случаях, если разговор затягивался до позднего вечера, она выходила и просила меня вернуться в дом.

Поначалу меня мучала совесть из-за того, что я не могу поговорить со всеми. Позднее я поняла, что паломникам, чтобы получить духовную пользу от посещения Меджугорья, не нужно встречаться со мной. Я всего лишь передаю послания и доношу свои ощущения, насколько у меня это получается. К тому же послания Богородицы проявляются и через само Меджугорье. Они – в уединённости полей, на скалистых склонах гор, в исповедальнях и на алтаре церкви Св. Иакова. Мы, визионеры, призваны лишь передать Её слова, а через них Богородица уже говорит абсолютно со всеми.

Я любила наблюдать, как бабушка Ела общается с паломниками. Нередко она обращалась к Богу с такими словами: «Боже, почему Ты нас такими сотворил, почему не сделал так, чтобы мы все говорили на одном языке? Я так сильно хочу говорить о Тебе со всеми этими людьми, но они меня не понимают».

При этом она всё же говорила с паломниками. Несмотря на проблемы со здоровьем, она приветствовала их с улыбкой на лице, кормила тем немногим, что у неё было, и оставляла ночевать, не прося за это никаких денег. Молилась вместе с ними и они могли видеть, что она практически не выпускает из рук Розарий. Не осознавая этого, она с ними говорила о Боге, свидетельствовала о Нём самым убедительным образом – своим примером.

Бабушка Ела и большинство местных жителей присутствие военных воспринимали мирно и доброжелательно. В жаркие полуденные часы они приносили солдатам холодные напитки, а иногда, вечером, и домашнюю еду. Было удивительно и очень радостно видеть, как сгорбленная старушка несёт солдату в форме кружку с молоком или кусок свежего хлеба.

Меджугорские матери обращались с солдатами так, как если бы это были их собственные сыновья, и эффект от этого был потрясающим: чем дольше стояли в селе солдаты, тем более дружелюбны они становились ко всем, включая паломников.

Возможно, это лишь ещё сильнее злило коммунистическую верхушку, потому что вскоре началась активная пропаганда, направленная против Меджугорья, имевшая своей целью прекращение притока верующих. На сараевском телевидении вышла передача, в которой редакция пыталась уверить зрителей, что всё происходящее – мошенничество, имеющее целью поддержку хорватских националистов. Были показаны каменные плиты, якобы найденные на Горе явлений, на которых на хорватском языке были выгравированы фразы типа «Богородица, верни нам хорватское государство» и «Будь с Богородицей против коммунизма». Никто никогда ничего подобного на горе не видел и все мы знали, что эти плиты изготовили и привезли в село сами коммунисты, просто чтобы снять этот выпуск. В той программе они также извратили фразу из проповеди отца Йозо, который якобы сказал: «Сорока лет страданий под властью коммунистов достаточно».

На самом же деле в его проповеди 11 июля 1981 года вообще не звучало слово «коммунисты», но государственные шпионы, присутствовавшие в церкви, долго ждали предложения – какой-нибудь фразы, за которую отца Йозо можно было бы обвинить в противодействии властям – и дождались. В тот день его проповедь началась радушным приветствием всех присутствующих:

«Я увидел номера ваших машин и понял, что вы приехали из самых разных мест. В последние дни ко мне многие подходят и спрашивают, что же здесь происходит. И вчера, и сегодня было много журналистов, и все они удивлялись: как это возможно, что за неделю до начала этих событий здесь сгорели телеграфные и телефонные линии, но весть о Меджугорье распространилась и по стране, и даже по Европе менее чем за день?»

Даже если бы мы повесили в небе огромный транспарант, у нас не получилось бы привлечь столько людей. Но когда за дело берётся Бог, Ему реклама не нужна. Безо всякого шума и гама наш Бог использует обычных людей – не сильных, но малых, потому что «Он низлагает сильных с престолов, и возносит смиренных». Он использует простого человека, имеющего веру и доверие, и через такого слугу Он может передать свои самые важные и глубокие тайны. Мария как раз и была такой смиренной рабой Господней».

В продолжение проповеди отец Йозо призвал людей искать освобождения от греха:

«Иисус пришёл к Своим потерянным сынам и сказал: „Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное“. Сегодня мы это понимаем! Не меня ли Он пришёл освободить от рабства, не тебя ли – измученного, томящегося в заключении уже сорок лет, чтобы ты сегодня или завтра мог упасть перед Ним на колени и сказать: „Разорви эти оковы, отопрй замки, разомкни цепи, связывающие мою жизнь, потому что я столько лет закован в кандалы греха“?»

Отец Йозо и представить себе не мог, что эти слова выльются для него в настоящие замки и оковы. Его проповедь была записана и передана государственным службам. Режим, который отчаянно боялся потерять контроль над своим народом, счёл крайне опасным упоминание рабов и заключённых. Коммунисты наконец получили искомый повод выдвинуть обвинения человеку, которого они подозревали в организации событий в Меджугорье.

Рано утром 17 августа 1981 года два тайных агента из Белграда зашли в церковь Св. Иакова. Обыскав территорию, они обнаружили отца Йозо во дворе.

– Вы – Йозо?

– Да. Чем могу помочь?

– Вы должны пойти с нами.

Заставив его переодеться в гражданскую одежду, агенты надели на него наручники и повели на улицу. Отец Йозо обратился к людям, собравшимся у церковной лестницы: «Прощайте! Бог всегда был с вами. Не бойтесь. Богородица с нами».

Люди в ужасе смотрели, как агенты запикивают отца Йозо в машину и увозят его. Его будут пытаться? Его убьют? Все боялись, что с ним случится самое страшное.

Сразу после ареста отца Йозо большой отряд милиции оцепил церковь и приходской дом. Они забаррикадировали двери и долго обыскивали оба здания. В итоге они вынесли все деньги, которые прихожане жертвовали на Мессу, и арестовали ещё нескольких священников.

Чуть позже я тоже подошла к церкви и поразила, увидев заграждения и милицию. У меня свело живот. Я очень переживала за отца Йозо и молила Бога о его укреплении. Кто-то из милиционеров насмеялся над нами: «Ха-ха-ха, нет больше вашего Йозо! Всё!» Они рассчитывали, что на этом всё закончится. Возможно, это и была та «великая битва», о которой нас предупреждала Богородица 2 августа? Было ли дозволение местным жителям дотронуться до Ней в поле на гумне подготовкой к этой битве?

На междугорских улицах было столько вооружённой милиции, что казалось – началась война. Я думала, что следующими жертвами станем мы, шестеро визионеров. Кто знает, будем ли мы вообще живы завтра? Эта мысль вселяла в меня одновременно и страх, и мир. Страх – потому что если я умру, будет страдать моя семья. А мир – потому что я наконец смогу быть с Богородицей. Смерти я не боялась, зная, что существует Царствие Небесное, но мне было грустно за людей, которые останутся на земле.

Каким-то чудом священнику из ближайшего села разрешили открыть междугорскую церковь и отслужить в тот вечер Мессу. Таким образом вечерняя молитвенная программа, начатая отцом Йозо, не остановилась. Церковь была заполнена до краёв. Люди плакали и молились. Мы шестером вели молитву Розария, а когда подошло время явления, ушли в комнату сбоку от алтаря. Как только пришла Богородица, мы сразу спросили Её о нашем любимом священнике.

– Не бойтесь, – сказала Она. – Я хочу, чтобы вы были исполнены радостью и чтобы ваши лица излучали радость. Я дам защиту отцу Йозо. Я с ним.

Когда явление закончилось, мы передали священнику слова Божьей Матери. Он посмотрел на встревоженные лица верующих, взял на руки маленького Якова и поставил его перед алтарём. Из-за маленького роста его почти не было видно.

– Яков, расскажи всем, – попросил священник.

Яков взглянул на собравшихся, глубоко вздохнул и уверенно повторил то, что сказала нам Богородица. Отчаяние верующих сменилось надеждой. Мы изо всех сил старались улыбаться, пока Яков озвучивал послание. Богородица немного нас утешила, но было невозможно не замечать отсутствие священника, который, не считая первых дней, стал нам верным союзником. Мы пытались представить, где он сейчас и через что ему приходится проходить.

Когда власти попытались заставить одного из местных священников отменить все вечерние Мессы под предлогом, что молитвенные встречи обычно проходят в утренние часы, он сказал: «Месса – это воспоминание последнего ужина Иисуса, а не последнего завтрака». Интересно, что ту свою судьбоносную проповедь отец Йозо завершил словами, которые теперь, оглядываясь назад, я воспринимаю как пророчество предстоящих ему страданий:

«Христиане в этом мире – как свет во тьме. Наша сила – в наших коленях, в наших руках, сложенных на груди в молитве, в нашем ношении креста. Наша сила исходит от нашего Господа Бога. Нет другой силы, нет другой мудрости, нет другой победы, кроме победы над бессмысленностью этого мира через смирение, любовь и жертву».

Большой бетонный крест на вершине Крыжевца

11

Я вас выбрала, Мои апостолы, потому что в каждом из вас есть красота.

Из послания Богородицы от 2 апреля 2015 года

Вопреки ожиданиям коммунистов, явления продолжились и после ареста отца Йозо, а приток верующих не иссяк. К этому времени я научилась мастерски скрываться не только от милиции, но и от паломников. Каждый день я ровно так же, как и прежде, вставала рано и шла собирать и развешивать табак, пока не наступало время явления.

25 августа 1981 года Богородица ответила на нашу непрестанную просьбу оставить знак, чтобы укрепить веру людей и успокоить их. Мы с Вицкой были у Ивана, когда услышали какой-то шум в поле. Выбежав на улицу, мы увидели, что люди стоят и смотрят на Крыжевац. Кто-то даже вытянул руку в его направлении, указывая на вершину. Некоторые стояли на коленях.

Повернув голову, я увидела на том месте, где раньше стоял высоченный 8,5-метровый крест, Богородицу. Она выглядела не так, как обычно на явлении. В тот момент Она больше походила на статую, чем на реального человека. Постепенно Её фигура исчезла и снова появился крест. Ещё через некоторое время в небе над горой появились непонятные очертания, которые затем обрели чёткость и превратились в большие крупные буквы, составляющие слово «мир». Мир – это ещё и первые буквы имени Мириам, еврейского варианта имени Мария. После этого больше невозможно было закрывать глаза на происходящее в Меджугорье. Создавалось полное ощущение, что мы живём в библейские времена.

В тот период мы напряжённо ждали новостей об отце Йозо. Каждый раз, когда кто-нибудь произносил его имя, я ощущала внутри пустоту. За несколько дней до начала судебного процесса Богородица попросила нас поститься на хлебе и воде и молиться за него. Поскольку он не совершал никаких действий, которые можно было бы квалифицировать как уголовное преступление, обвинения властям пришлось выдумывать. В итоге отца Йозо осудили за организацию бунта по серьёзной статье, мера пресечения по которой варьировалась вплоть до смертной казни, но его приговорили к трём годам тюрьмы и принудительным работам. Он не совершал ничего противозаконного, но югославские власти исказили действительность в своих интересах. После этого я поняла, что коммунисты могут с каждым сделать всё, что захотят. В конце августа я убедилась в этом лично.

Милиция обязала дядю Шимуна привезти меня в Читлук на очередной допрос. Они происходили регулярно и стали привычной частью моей жизни: раз за разом меня приводили в пустую комнату, оставляли там на целую вечность, а потом поджаривали на медленном огне своими вопросами. Не получая желанных ответов, милиционеры угрожали мне, кричали, а потом отпускали. Что же им понадобилось от меня на этот раз?

Когда мы с дядей вошли в участок, я поняла, что сегодняшний допрос не будет похож на предыдущие. Помимо сотрудников в форме меня ожидали двое мужчин в костюмах. Дядю Шимуна они выставили за дверь, а меня посадили в камеру предварительного заключения. Я провела там несколько часов, в течение которых ко мне никто не подходил и ничего не говорил. В конце концов меня затолкали на заднее сиденье служебного автомобиля, а спереди сели двое в костюмах – агенты тайной милиции. Машина стала набирать скорость, и я заплакала.

– Куда вы меня везёте?

– Заткнись! – прикрикнул на меня водитель.

– Глупая девчонка, – сказал второй. – Твоим шуткам сегодня придёт конец.

Всю дорогу они ругались и кричали на меня. Я закрыла уши руками и свернулась в клубок. Попробовала молиться, но градус тревоги зашкаливал. Больше всего я волновалась за дядю Шимуна. Поняв, что не в состоянии меня защитить, он потерял самообладание – стоял перед милицейским участком и кричал. Как ему объяснить моей маме, своей сестре, что он не смог меня уберечь? Дядя зашёл в ближайшую забегаловку и впервые в жизни заказал ракию.

Через три часа я начала узнавать вид из окна и поняла, что мы въехали в Сараево. Меня везут в тюрьму? Или на место казни? Я перебрала в голове все возможные способы убийства и понадеялась, что это будет что-то быстрое, типа расстрела. Но когда автомобиль остановился, я увидела родительский дом. «Слава Богу», – подумала я. Агенты проводили меня до самой нашей квартиры. Мама открыла дверь и выдохнула, увидев меня в сопровождении милиции. Усилием воли она выдавила из себя улыбку и поздоровалась с моими стражниками гораздо любезнее, чем они того, по моему мнению, заслуживали.

– Доброго вам дня, – сказала она. – Как любезно с вашей стороны, что вы довезли до дома мою дочь.

– Мама! – встряла я. – Если бы ты знала, как они себя со мной вели!

Она посмотрела на меня, продолжая улыбаться:

– Заходи, дорогая. Неважно.

И, обращаясь к милиции, спросила:

– Вы хотите выпить кофе?

– Но, мама!..

Мама, очевидно, хотела сказать мне: «Молчи!», но вместо этого лишь посмотрела на меня и глубоко вздохнула. Милиция объяснила ей, что я должна буду оставаться в Сараево и получать у них разрешение каждый раз, когда захочу куда-нибудь уехать, как и все «враги государства». Да кто они такие, чтобы говорить мне, куда я могу ехать, а куда не могу? Большая часть моих вещей осталась дома у дяди, но главное, чего я боялась – если я не буду в Меджугорье, явления для меня закончатся.

Уходя, один из милиционеров многозначительно посмотрел на меня и сказал:

– Мы за тобой наблюдаем.

Как только они ушли, натужная улыбка слетела с лица мамы, и она меня обняла.

– Главное, что ты вернулась живая и здоровая, – сказала она. – Ты жива, всё остальное неважно.

Вероятно, коммунисты думали, что теперь, когда отец Йозо в тюрьме, а я – в Сараево, всё тихо-мирно закончится. Но они снова недооценили Божью силу.

Вернуться в Сараево было и радостно, и грустно. Мне не хватало родителей и брата, но теперь я не чувствовала себя дома, как прежде. Место, которое раньше было мне убежищем, вдруг стало казаться тюрьмой. Я отсутствовала всего два месяца, но вернулась другим человеком. Столько всего произошло за такой короткий промежуток времени! Я повзрослела за одну ночь. То, что раньше казалось мне важным, уже таковым не являлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.